

Великолепно, просто великолепно.
Daily Telegraph

ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ДАМЫ

Э. М. ДЕЛАФИЛД

Э. М. Делафилд
Дневник провинциальной дамы
Серия «Азбука-бестселлер»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69551833

Э. М. Делафилд. Дневник провинциальной дамы: Азбука, Азбука-

Аттикус; СПб.; 2023

ISBN 978-5-389-23787-2

Аннотация

Впервые на русском – шедевр британской юмористической прозы XX века, «одна из самых уморительных, изошренных и симпатичных книг, какие вам только доведется прочесть» (*Guardian*). Безымянная героиня Э. М. Делафилд, имеющая немало автобиографических черт, скрупулезно фиксирует в своем дневнике каждодневную «борьбу с высокомерными соседями, неразговорчивым мужем и строптивыми гиацинтами» (*Independent*). «Провинциальная дама» из графства Девоншир пытается удержать домашнее хозяйство от сползания в хаос, детей – от лишних бесчинств, а прислугу – от увольнения. Не говоря уж о том, что надо не ударить в грязь лицом перед леди Бокс с ее «бентли» и обширным поместьем – ну и, наконец, выиграть литературный конкурс в феминистском журнале «Время не ждет»...

Содержание

Дневник провинциальной дамы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Э. М. Деллафилд

Дневник

провинциальной дамы

E. M. Delafield

THE DIARY OF A PROVINCIAL LADY THE
PROVINCIAL LADY GOES FURTHER

© Е. В. Матвеева, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Маленькие и большие повседневные катастрофы она претворяет в смех.

The Times

До Бриджет Джонс с ее дневником была героиня Э. М. Деллафилд, скрупулезно фиксировавшая свою борьбу с высокомерными соседями, неразговорчивым мужем и строптивыми гиацинтами.

The Independent

Великолепно, просто великолепно.
Daily Telegraph

* * *

Эдме Элизабет Моника Дэшвуд, дочь графа Анри Филиппа Дюкареля де ля Пастюра, служила медсестрой в Первую мировую войну и во вспомогательной службе противовоздушной обороны во Вторую, а в промежутке успела вырастить детей, посетить США и СССР (и даже поработать в советском колхозе), а также под псевдонимом Э. М. Делафилд написать несколько десятков популярных книг, очаровав миллионы читателей в диапазоне от домохозяек до премьер-министров и заслужив титул наследницы Джейн Остин. Цикл ее романов «Дневник провинциальной дамы», имеющих немало автобиографических элементов, – это шедевр юмористической прозы XX века, сравнимый с произведениями П. Г. Вудхауза.

Кристофер Фаулер
(The Independent)

Дневник провинциальной дамы

*Посвящается
редактору и создателям журнала
«Время не ждет»¹,
на страницах которого впервые появился этот
дневник*

7 ноября. Сажаю луковичные в горшки. В разгар работы приезжает с визитом леди Бокс. Изображаю радость и упражняю располагаться, ведь «я как раз заканчиваю». Леди Б. решительно направляется к креслу, занятому двумя готовыми горшками и мешочком древесного угля, но я успеваю перенаправить ее к дивану.

Она спрашивает, знаю ли я, что высаживать луковичные слишком поздно. Надо в сентябре или, на худой конец, в октябре. А луковицы гиацинтов стоит заказывать только в Харлеме. Название голландской фирмы не разбираю, но говорю,

¹ *Time and Tide* (1920–1986) – британский общественно-политический и литературный журнал для женщин, основанный и руководившийся известными суфражистками и журналистками Маргарет Хейг Томас (виконтессой Рондой) и Хелен Арчдейл. Название журнала, использующее пословицу «Time and tide wait for no man» («Вспять река не повернет, время никого не ждет»), содержит, возможно, еще один смысл: в выражении «no man» («никого», «ни одного человека») слово «man» может прочитываться в значении «мужчина», поскольку изначально журнал отражал феминистские взгляды его создательниц. – *Здесь и далее примеч. перев.*

что полагаю своим долгом покупать товары, произведенные в Британской империи. До сих пор считаю, что ответ отличный. Как нарочно, вскоре в гостиную входит Вики и спрашивает:

– Мамочка, это луковицы, которые мы купили в «Вулвортсе»?²

Леди Б. остается на чай. (*NB.* Ломтики хлеба с маслом слишком толстые. Сказать Этель.) Обсуждаем луковичные, Голландскую Школу Живописи, Жену Нашего Викария, ишиас и «На Западном фронте без перемен»³.

(*Вопрос:* Как совершенствоваться в искусстве светской беседы, если круглый год живешь в деревне?)

Леди Б. спрашивает про детей. Отвечаю, что дела у Робина (называю его «сын», чтобы леди Б. не подумала, будто я слишком им горжусь) в школе идут довольно хорошо и что, по мнению мадемуазель, у Вики начинается простуда.

Леди Б. спрашивает, понимаю ли я, что детям совершенно необязательно Регулярно Болеть и что простуды можно избежать, если ежеутренне, до завтрака, промывать ребенку нос соленой водой. На ум приходят несколько довольно колких и остроумных ответов, но, увы, уже после того, как леди Б. увозит ее «бентли».

² *Woolworths* – открытый в 1909 г. британский филиал одноименной американской сети недорогих универмагов, работавшей с 1879 г.

³ *Im Westen nichts Neues* (1929) – роман немецкого писателя Эриха Марии Ремарка (1898–1970).

Заканчиваю с луковичными и опускаю их в погреб. Потом решаю, что там слишком сквозит, и переносу горшки на чердак.

Кухарка говорит, что с плитой что-то неладно.

8 ноября. Роберт проверяет плиту, говорит, что все в порядке, и предлагает просто открывать заслонки. Кухарка очень рассержена и, наверное, попросит расчет. В попытке ее задобрить говорю, что у Робина в школе скоро родительский день, мы уедем в Борнмут и работы по дому не будет. Кухарка строго отвечает, что тогда они в наше отсутствие займутся уборкой. Хотелось бы верить.

Приготовления к поездке в Борнмут существенно омрачены открытием, что, доставая чемоданы с чердака, Роберт разбил три горшка с посадками. Говорит, что я же собиралась поставить их в погреб, вот он и не ожидал, что они на чердаке.

11 ноября. Борнмут. Убеждаюсь, что история ходит кругами. Та же гостиница, та же беготня по школе в поисках Робина, те же родители, большинство из которых остановились в той же гостинице. Мы с другими родителями произносим все те же реплики, что и в прошлом году, и в позапрошлом. Говорю об этом Роберту. Он не реагирует. Не хочет повторяться? Напрашивается вопрос: может, Роберт все же ко мне прислушивается, пусть внешне и не реагирует?

Робин с виду похудел. Говорю об этом Классной Даме. Та бодро отвечает, что нет же, за этот триместр он скорее *набрал* вес, и тут же начинает рассказывать о Пристройке к школе. (*Вопрос*: Зачем школам надо непременно возводить новые Пристройки примерно каждые полгода?)

Забираем Робина. Он успеваешь несколько раз пообедать и съедает довольно много конфет. С ним друг, и мы ведем обоих к замку Корф⁴. Мальчики лезут по развалинам, Роберт молча курит, а я сижу на камнях. Какая-то дама называет «хрупкой» полуразрушенную башню, простоявшую так несколько веков. Чудной эпитет. Та же дама, перелезая через остаток мощной крепостной стены, называет его откуда-то упавшим обломком.

Ведем мальчиков ужинать в гостиницу. Робин говорит, пока его приятель не слышит:

– Хорошо ведь было гулять с Уильямсом?

Спешно выражаю радость, оттого что нам выпала такая честь.

После ужина Робин отводит мальчиков в школу, а я сижу в холле с другими матерями, и каждая из нас о своем сыне отзывается критически, а о чужих – восторженно.

Меня спрашивают, что я думаю о романе «Гарриет Хьюм»⁵, но я не знаю, что ответить, поскольку его не читала.

⁴ Руины старинного замка, построенного в XII в. на месте бывшего саксонского форта.

⁵ *Harriet Hume: A London Fantasy* (1929) – роман британской писательницы,

С грустью думаю, что повторяется ситуация с «Орландо»⁶, о котором я рассуждала с умным видом, а потом прочла и ничегошеньки не поняла.

Роберт приходит спать очень поздно и говорит, что уснул за чтением «Таймс». (*Вопрос*: Ради этого надо было приезжать в Борнмут?)

Последняя почта приносит открытку от леди Б. с вопросом, помню ли я, что 14 ноября собрание Женского института⁷. Ни за что не стану отвечать.

12 ноября. Дома со вчерашнего дня. Поразительно, сколько хозяйственных бедствий всегда случается за время отсутствия. Из-за неполадок с плитой нет горячей воды, а еще Кухарка говорит, что вся баранина *ушла* и надо сходить к мяснику, невзирая на погоду. В отличие от баранины, простуда Вики никуда не ушла. Мадемуазель говорит: «Ah, cette petite! Elle ne sera peut-être pas longtemps pour ce bas monde, madame»⁸. Надеюсь, это просто французская склонность драматизировать ситуацию.

журналистки, участницы суфражистского движения Ребекки Уэст (Сесиль Изабель Фэйрфилд, 1892–1983).

⁶ *Orlando* (1928) – сатирический роман британской писательницы-модернистки Вирджинии Вулф (Аделина Вирджиния Стивен, 1882–1941).

⁷ *Женский институт* – общественная организация в Канаде, Великобритании, Южной Африке и Новой Зеландии. Основана в Канаде в 1897 г.

⁸ «Бедная малышка! Возможно, недолго ей осталось пребывать в этом мире, мадам» (*фр.*).

Роберт читает «Таймс» после ужина и отправляется спать.

13 ноября. Интересный, но обескураживающий итог длительной дискуссии с Вики о существовании, а также расположении места, которое она упорно называет А. Д. Решительно настроена быть прогрессивным родителем и заверяю ее, что такого места не было, нет и не будет. Вики настаивает, что *есть*, и ссылается на Библию. Становлюсь прогрессивнее, чем когда-либо, и заявляю, что теории о вечных муках придуманы для устрашения человечества. Вики негодуяще парирует, что ее они совершенно не пугают, ей *нравится* думать про А. Д. Решаю, что дискуссия зашла в тупик и что Вики вольна предаваться этому чуднóму развлечению.

(*Вопрос:* Как прогрессивным родителям реагировать на то, что современные дети противятся прогрессу?)

Очень обеспокоена письмом из Банка, где говорится, что мой кредит превышен на целых Восемь Фунтов, четыре шиллинга и четыре пенса. Не понимаю, как так вышло, поскольку была уверена, что оставалось еще Два Фунта, семь шиллингов и шесть пенсов. С беспокойством обнаруживаю, что суммы на счетах, в шкатулке и в чековой книжке не сходятся. (*NB.* Найти конверт, на котором я записала борнмутские расходы, и клочок бумаги – возможно, последнюю квитанцию за бакалею – с записью про оплату долга наличными. Это может прояснить ситуацию.)

Затаскиваю чемодан на чердак и бросаю взгляд на горш-

ки с посадками. Кажется, тут побывал кот. Если так, то это последняя капля. Скажу леди Бокс, что отправила все луковичные больной приятельнице в дом престарелых.

14 ноября. Приходит посылка с лучшей Книгой Месяца. Разочарование. История местности, которая меня не интересует, написанная автором, который мне не нравится. Заворачиваю ее обратно в упаковочную бумагу и выбираю другую книгу из Предложенного Списка. В буклетике, присланном с книгой, пишут, что именно так обычно читатель и поступает, тем самым совершая «главную ошибку в жизни». Очень неприятное чувство – не столько оттого, что я совершила (возможно) ошибку всей жизни, сколько от неутешительного вывода: мы все так похожи, что прозорливые авторы способны с завидной точностью предсказать наше поведение.

Не стоит упоминать ничего из этого в разговоре с леди Б., которая и так с раздражающей надменностью высказывается о самой идее выбора Книги Месяца, мол, она не нуждается в том, чтобы ей указывали, что читать. (Хотелось бы придумать на это ответ поостроумнее.)

Со второй почтой приходит письмо от моей давней школьной подруги Сисси Крэбб, интересующейся, можно ли ей остановиться у нас на две ночи по пути в Норидж. (*Вопрос:* Зачем ей в Норидж? Удивительно, что кто-то вообще туда ездит, там живет или оттуда происходит. Нет, так думать некрасиво. Мы очень мало знаем о своей стране! На ум при-

ходит чье-то высказывание по этому поводу, однако вспомнить его целиком не удастся.)

Сисси пишет, что мы столько лет не виделись и наверняка *сильно* изменились. *P.S.* Помню ли я милый старый *пруд* и День испанской маранты? С некоторым трудом припоминаю пруд в глубине отцовского сада Сисси, но испанская маранта меня не на шутку озадачивает. (*Вопрос*: Может, это из рассказов о Шерлоке Холмсе? Звучит похоже.)

Отвечаю Сисси, что мы будем рады ее видеть и что после стольких лет разлуки нам будет о чем поговорить! (Это неправда, но не переписывать же теперь письмо.) Испанскую маранту не упоминаю.

Роберт, похоже, не в восторге от новости о грядущем визите старинной школьной подруги. Спрашивает, как нам ее *развлекать*. Предлагаю показать ей сад и запоздало вспоминаю, что время года неподходящее. Добавляю, что в любом случае будет приятно поболтать о старых добрых деньках. (Это снова напоминает мне о загадочной испанской маранте.)

Отдаю Этель распоряжения насчет гостевой комнаты. Очень досадно, что один из синих подсвечников сломан, а прикроватный коврик в чистке и вернуть его к нужному времени не получится. Забираю коврик из гардеробной Роберта, надеясь, что он не заметит его отсутствия.

15 ноября. Роберт замечает-таки отсутствие коврика и го-

ворит, что тот ему очень нужен. Возвращаю коврик, а в гостевую комнату забираю старый линялый половичок из детской. Мадемуазель обижается и жалуется Вики (а та передает мне), что в этой стране к ней относятся как к пустому месту.

17 ноября. Старинная школьная подруга Сисси Крэбб должна прибыть трехчасовым поездом. Сообщаю об этом Роберту, и он говорит, что ему совершенно некогда ехать ее встречать, у него заседание приходского правления, но в итоге соглашается пожертвовать заседанием. Тронута. К сожалению, сразу после его отъезда приходит телеграмма о том, что старинная школьная подруга опоздала на пересадку и приедет только в семь вечера. Значит, ужин придется передвинуть на восемь, что не понравится Кухарке. Передать новость на кухню с Этель не получится, потому что она до вечера выходная, приходится идти самой. Кухарка недовольна. Роберт возвращается со станции, тоже недовольный. Мадемуазель почему-то восклицает: «Il ne manquait que ça!»⁹ (Упрек совершенно безосновательный, поскольку неприезд Сисси Крэбб лично ей не доставляет никаких неудобств. В который раз думаю, что французы бестактны.)

Этель возвращается к работе с опозданием на десять минут и спрашивает, нужно ли разжечь камин в гостевой комнате. Отвечаю, что еще не настолько холодно, решив, что Сисси теперь не заслуживает такой роскоши. Устыдившись,

⁹ «Только этого не хватало!» (фр.)

разжигаю камин сама. Он дымит.

Роберт громко спрашивает снизу, что за Дым. Кричу в ответ, что так, Ерунда. Роберт поднимается, открывает окно, закрывает дверь и говорит, что так дым уйдет Быстро. Не хочется возражать, что из-за открытого окна комната выстывает.

Играю с Вики в лудо¹⁰ в гостиной.

Роберт засыпает за чтением «Таймс», но просыпается вовремя, чтобы совершить вторую вылазку на станцию. К счастью, на этот раз он возвращается с Сисси Крэбб, которая располнела и то и дело повторяет, что мы обе *очень* изменились, хотя говорить это было вовсе не обязательно.

Веду ее наверх – из-за открытого окна в гостевой комнате холодно, как в ледяном дворце, и камин все еще чадит, но меньше. Сисси говорит, что комната милая, и я оставляю ее, сказав, чтобы обязательно попросила, если ей что-нибудь понадобится. (*NB.* Предупредить Этель, что она *должна* приходить, когда зазвонит колокольчик из гостевой комнаты. Но надеюсь, не зазвонит.)

Переодеваясь к ужину, спрашиваю Роберта, что он думает о Сисси. Он говорит, что слишком мало ее знает, чтобы судить о ней. Интересуюсь, считает ли он ее симпатичной. Он говорит, что не думал об этом. Спрашиваю, о чем они разговаривали по пути со станции. Роберт не помнит.

¹⁰ *Лудо* – настольная игра для 2–4 человек; происходит от индийской настольной игры «Парчис»; в современном виде запатентована в Англии в XIX в.

19 ноября. Последние два дня выдались чрезвычайно трудными, поскольку неожиданно выяснилось, что Сисси Крэбб на строгой диете. Из-за этого Роберт ее невзлюбил. Совершеннейшая невозможность быстро добыть лимоны или чечевицу излишне усложняет домашнее хозяйство. За ланчем Мадемуазель настойчиво возвращается к теме диеты и несколько раз восклицает: «Ah, mon doux St. Joseph!»¹¹, что я считаю богохульством и прошу ее никогда больше так не выражаться.

Консультируюсь у Сисси Крэбб насчет луковичных, которые выглядят так, будто их погрызли мыши. Она выносит вердикт: Неограниченный Полив – и рассказывает мне про свои луковичные в Норидже. Теряю энтузиазм.

Применяю Неограниченный Полив к луковичным (вода частично просачивается сквозь половицы чердака на лестничную площадку) и переносу половину горшков в погреб, так как, по словам Сисси Крэбб, на чердаке слишком душно.

Днем заходит Жена Нашего Викария. Говорит, что родственники ее знакомых когда-то жили под Нориджем, но, как их зовут, она запомнила. Сисси Крэбб отвечает, что, если бы мы назвали имена этих родственников, вполне вероятно оказалось бы, что она их знает и даже *встречала*. Сходимся на том, что мир тесен. Обсуждаем Ривьеру, новые

¹¹ «Милейший святой Иосиф!», «Да ради святого Иосифа!» (фр.)

упражнения для талии, прислугу и Рамсея Макдональда¹².

22 ноября. Сисси Крэбб уезжает. Настоятельно приглашает меня погостить у нее в Норидже (где она с двумя кошками живет в однокомнатной квартире и готовит себе чечевицу на газовой плитке). Отвечаю, что с удовольствием приеду. Прощаемся, рассыпаясь в любезностях.

Провожу все утро за написанием писем, которые пришлось отложить из-за визита Сисси.

Приходит приглашение от леди Бокс отужинать и познакомиться с ее друзьями – выдающимися литераторами, которые сейчас гостят в ее доме. Один из них – автор некой «Симфонии трех полов». Не решаюсь признаться, что никогда о такой не слышала, поэтому просто принимаю приглашение. Справляюсь о «Симфонии трех полов» в библиотеке, не особо надеясь на успех. Сомнения полностью подкрепляются тоном, которым мистер Джонс отвечает, что такой книги в библиотеке нет и никогда не было.

Спрашиваю Роберта, какое платье лучше надеть к леди Бокс: Голубое или Черно-золотое. Он отвечает, что хоть то, хоть это. Уточняю, не помнит ли он, в каком я была там в прошлый раз. Не помнит. Мадемуазель говорит, что в Голубом, и предлагает внести в Черно-золотое небольшие изменения, которые сделают его неузнаваемым. Я соглашаюсь, и

¹² *Рамсей Макдональд* (1866–1937) – государственный и политический деятель, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании.

она вырезает большие куски ткани на спине. Прошу: «Pas trop décolletée»¹³, и Мадемуазель с умным видом отвечает: «Je comprends, madame ne désire pas se voir nue au salon»¹⁴.

(*Вопрос*: Не повредит ли Вики, что французы порой ведут себя престранно?)

Рассказываю Роберту про выдающихся друзей-литераторов без упоминания «Симфонии трех полов». Он ничего не отвечает.

Твердо решила, что, если леди Б. отрекомендует нас выдающимся литераторам или кому-то еще как «наш Управляющий» и «жена нашего Управляющего», сразу же покину дом.

Сообщаю об этом Роберту. Он ничего не говорит. (*NB*. Выставить парадные туфли на окно, чтобы выветрился запах бензина.)

25 ноября. Утром иду на стрижку и маникюр по случаю званого ужина у леди Б. Хотелось бы новую пару нарядных чулок, но этому препятствует огорчительная переписка с Банком, по-прежнему утверждающим, что мой кредит превышен, а еще довольно неприятное письмо от господ Фриппи и Коулмена, требующих с обратным письмом отправить чек и погасить задолженность. Решаю не говорить об этом Роберту, потому что вчера пришел счет за уголь, и пишу господам Ф. и К. вежливое письмо с обещанием выслать чек в

¹³ «Не слишком низкий вырез» (*фр.*).

¹⁴ «Думаю, мадам не желает ходить в гостях голой» (*фр.*).

ближайшие дни. (Надеюсь, они решат, что я просто не могу найти чековую книжку.)

Черно-золотое Мадемуазель перешила очень неплохо, а вот прическу приходится пять раз переделывать, потому что завивка не ложится как надо. К сожалению, Роберт заходит в комнату именно тогда, когда я крашу губы новой дорогой помадой, и результат ему совсем не нравится.

(Вопрос: Если бы удавалось чаще заманивать Роберта в Лондон, стал бы он шире смотреть на вещи?)

Уверена, что мы опоздаем, так как автомобиль не заводится, но Роберт отказывается переживать по этому поводу. Вынуждена признать, что его невозмутимость оправданна, поскольку мы приезжаем раньше всех и даже леди Б. еще не спустилась в гостиную. Насчитываю по меньшей мере десятков горшков с римскими гиацинтами. (Возможно, они выращены одним из садовников, что бы там ни утверждала леди Б. Решаю совершенно ничего про них не говорить, хотя и сознаю, что это не вполне благородно с моей стороны.)

Спускается леди Б. в серебристом кружевном платье – подол почти касается пола, а линия талии соответствует новой моде. Леди Б. платье, может быть, и не идет, но рядом с ним платья остальных дам выглядят старомодными.

Кроме нас, присутствуют еще девять человек, большинство из которых сейчас гостят в доме. Никого никому не представляют. Решаю, что дама в голубом одеянии, похожем на ковер, возможно, и есть автор «Симфонии трех полов».

Объявляют, что ужин подан, и леди Б. тихонько говорит мне:

– Я посадила вас рядом с сэром Уильямом. Он интересуется вопросом *водоснабжения*, и я подумала, что вы бы хотели обсудить с ним местные нужды.

Удивительно, но мы с сэром Уильямом почти сразу пускаемся в обсуждение Контроля Рождаемости. Откуда и как вообще возникла эта тема, сказать не могу, но нахожу ее гораздо более предпочтительной, чем вопрос водоснабжения. Роберт сидит на другом конце стола рядом с «Симфонией трех полов». Надеюсь, ему весело.

Разговор становится всеобщим. Беседуем (кроме Роберта) о книгах. Мы все говорим, что (а) прочитали «Добрых друзей»¹⁵, (б) это очень *длинная* книга, (в) американский Книжный Клуб выбрал ее лучшей Книгой Месяца и наверняка у нее огромные продажи и (г) продажи в Америке – вот Настоящий Показатель Популярности. Затем переходим к обсуждению «Урагана над Ямайкой»¹⁶ и говорим, что (а) это довольно короткая книга, (б) нам она ужасно не понравилась или, наоборот, понравилась и (в) Настоящие Дети и вправду ведут себя В Точности Так. Стихийно возникшее меньшинство утверждает: не может быть, чтобы дети *не заметили* ги-

¹⁵ *The Good Companions* (1929) – третий роман английского писателя и драматурга Джона Бойнтона Пристли (1894–1984).

¹⁶ *A High Wind in Jamaica* (1929) – первый роман британско-валлийского писателя и драматурга Ричарда Артура Уоррена Хьюза (1900–1976).

бели Джона; мол, во все остальное еще можно поверить, но *только* не в это. Завязывается оживленная дискуссия. Мы с бледным молодым человеком в очках, сидящим от меня по левую руку, говорим о Ямайке, где ни он, ни я никогда не бывали. Это приводит нас (непонятно как) к обсуждению охоты на оленей, а затем – гомеопатии. (*NB.* Если найдется время, интересно будет проследить логику перехода с одного на другое. Еще одна мысль, и гораздо более неприятная: возможно, таковой не существует.) Доходим до обмена мнениями по поводу выращивания огурцов в парнике, но тут леди Б. поднимается с места.

Переходим в гостиную, и все выражают восторг при виде зажженного камина. В гостиной очень холодно. (*Вопрос:* Может, это полезно луковичным?) Дама в голубом ковре распускает волосы, которые, по ее словам, она отращивает, и снова их забирает. Все принимаются рассуждать о прическах. С грустью думаю, что, похоже, все в мире, кроме меня, отрастили или отращивают длинные волосы. Леди Б. говорит, что Теперь не встретишь никого с Короткой Стрижкой *нигде*: ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Нью-Йорке. Чепуха.

В ходе вечера обнаруживается, что голубой ковер не имеет никакого отношения к литературе, а работает государственным санитарным инспектором и что «Симфонию трех полов» написал бледный молодой человек в очках. Леди Б. спрашивает, удалось ли мне поговорить с ним на тему *извращений*, поскольку его рассуждения по этому поводу всегда

очень забавны. Отвечаю уклончиво.

В гостиную заходят мужчины, и, как раз когда в комнате становится чуть теплее, все направляются в бильярдную, где леди Б. затевает неприятную игру, требующую умелого обращения с бильярдными шарами и Точного Глазомера, которым большинство из нас не обладает. Роберт играет хорошо. С радостью делаю вывод, что бильярд – более надежный способ обрести признание, чем авторство «Симфонии трех полов».

По пути домой хвалю Роберта, но он ничего не отвечает.

26 ноября. За завтраком Роберт говорит, что, пожалуй, мы уже не в том возрасте, чтобы засиживаться где-либо настолько поздно.

Фриппи и Коулмен сожалеют, что больше не могут отсрочить оплату долга, а посему просят оказать им любезность и выслать чек с ответным письмом, иначе, к своему огромному прискорбию, будут вынуждены предпринять Дальнейшие Шаги. Написала в Банк письмо с просьбой перевести Шесть Фунтов, тринадцать шиллингов и десять пенсов со Сберегательного Счета на Текущий. (Чтобы Сберегательный Счет не закрылся, на нем оставлено Три Фунта, семь шиллингов и два пенса.) Решаю отложить плату молочнику до следующего месяца, а услуги чистки покрыть частично. Это дает возможность отправить господам Ф. и К. чек, который я датирую 1 декабря – днем, когда истек крайний срок погашения

задолженности. Финансовая нестабильность очень изматывает.

28 ноября. Ф. и К. присылают квитанцию и заверяют, что и впредь будут крайне внимательны к моим пожеланиям, но явно по-прежнему далеки от понимания тех усилий, какие мне пришлось приложить, дабы уладить ситуацию.

1 декабря. Телеграмма от дорогой Роуз с известием, что она прибывает в Тилбери¹⁷ 10-го числа. Телеграфирую, что рада приезду и встречу в Тилбери 10-го. Говорю Вики, что ее крестная, моя лучшая подруга, возвращается домой спустя три года жизни в Америке. Вики спрашивает: «А мне подарок привезет?» Я возмущена такой меркантильностью и жалуюсь Мадемуазель, которая отвечает: «Si la Sainte Vierge revenait sur la terre, madame, ce serait notre petite Vicky»¹⁸. Категорически не соглашаюсь. В другом настроении Мадемуазель бы первая назвала Вики «ce petite démon enragé»¹⁹.

(Вопрос: Всегда ли представители романских народов так искренни, как хотелось бы?)

3 декабря. Радиограмма от дорогой Роуз, которая в итоге прибывает в Плимут 8-го числа. Снова выражаю радость и

¹⁷ Тилбери – портовый город в графстве Эссекс.

¹⁸ «Наша малышка Вики – просто святая!» (фр.)

¹⁹ «Сущий бесенок» (фр.).

заверяю, что встречу ее в Плимуте.

Роберт занимает неодобрительную позицию и говорит, что это – Напрасная Трата Времени и Денег. Не знаю, о чем это он, о телеграммах или о Плимуте, но решаю не уточнять. Поеду 7-го. (NB. До отъезда заплатить бакалейщику и пожаловаться, что в прошлый раз имбирное печенье было слишком мягким. Но сначала убедиться, что Этель хорошо закрыла банку.)

8 декабря. Плимут. Приехала вчера вечером. Ужасный шторм, пароход задерживается. Очень переживаю, что Роуз, должно быть, страдает от морской болезни. Ветер завывает и дует так, что в гостинице трясутся стены; всю ночь дождь хлещет по стеклу. Мне не нравится номер; в голову закрадывается неприятная мысль, что здесь, возможно, совершили убийство. А труп спрятали за дверью в углу. Вспоминаю все книги с подобным сюжетом и не могу уснуть. Наконец открываю потайную дверь. За ней большая кладовка и никаких трупов. Снова ложусь в постель.

Утром шторм бушует сильнее, еще больше переживаю, что Роуз, возможно, вынесут на берег без чувств.

Иду в пароходную контору и узнаю, что на пристани надо быть в десять часов.

Умудренная опытом, беру с собой манто, складной стульчик и «Американскую трагедию», потому что это самая толстая книга, какую удалось найти. Дождь прекращается.

Остальные встречающие оглядываются на меня и завистливо смотрят на складной стульчик. Старушка в черном ковывает туда-сюда. Испытываю угрызения совести и предлагаю ей стульчик.

– Спасибо, – отвечает она, – но у меня на стоянке «даймлер», могу в нем посидеть, когда захочу.

Обескураженно возвращаюсь к чтению «Американской трагедии».

Книга довольно тягостная, но я читаю ее уже часа два, и тут полицейский сообщает, что, если я желаю подняться на борт парохода, к нему сейчас пойдет бот. Перемещаюсь туда вместе со стульчиком и «Американской трагедией». Сорок минут читаю. (*NB.* Спросить Роуз, правда ли жизнь в Америке такая, как в книге.)

Далее следуют пренеприятные полчаса. Стульчик скользит по палубе, и я вынуждена отложить «Американскую трагедию».

Вокруг в больших количествах ходят люди, внешний вид которых говорит о том, что они имеют отношение к морскому делу. Они поглядывают на меня, и один спрашивает, хорошо ли я переносу качку. Нет, плохо. Откуда-то из волн неожиданно выныривает пароход; на все стороны свешивают тросы. Стоит мне углядеть Роуз, как огромные волны отгоняют бот от парохода.

Успокаиваюсь при мысли, что Роуз явно не надо нести на берег, но вскоре чувствую, что кое-кого другого, возможно,

понадобится.

Еще волны, еще тросы и кипучая деятельность повсюду.

Возвращаюсь к стульчику, но на «Американскую трагедию» нет сил. Человек в зюйдвестке говорит мне, мол, вы, мисс, сидите на проходе.

Перемещаюсь вместе со стульчиком и «Американской трагедией» в другой угол. Человек в болотных сапогах говорит, что меня тут затолкают.

Новое перемещение вместе со стульчиком и «Американской трагедией». Слегка радуется, что меня назвали «мисс».

Вижу Роуз с причудливых ракурсов, поскольку бот то поднимается, то опускается на волнах. Наконец спускают трап, и я вместе со стульчиком и «Американской трагедией» добираюсь до парохода. Слишком поздно понимаю, что и стульчик, и «Трагедию» можно было оставить на боте.

Дорогая Роуз чрезвычайно благодарна за все усилия, которые я предприняла, чтобы ее встретить, но заявляет, что прекрасно переносит качку и всю ночь крепко спала, несмотря на шторм. Изю всех сил подавляю необоснованную досаду.

9 декабря. Роуз погостит у нас два дня перед тем, как уехать в Лондон. Говорит, что во Всех американских домах Всегда Тепло. Роберт с раздражением заявляет, что во Всех американских домах Ужасно Перетоплено и Очень Душно. Разумеется, его заявления имели бы больший вес, побывай

он хоть раз в Америке. Также Роуз постоянно рассказывает о том, как хорошо в Америке налажена Телефонная Связь, и просит стакан холодной воды за завтраком, чего Роберт не одобряет.

Во всем остальном милая Роуз совершенно не изменилась и предлагает мне останавливаться в ее квартирке в Уэст-Энде так часто, как захочу. С благодарностью принимаю предложение. (*NB.* Как же Роуз непохожа на старинную школьную подругу Сисси Крэбб с ее однокомнатной квартирой и газовой плиткой в Норидже! Однако не буду проявлять снобизм.)

По совету Роуз поднимаю луковичные из погреба в гостиную. Несколько ростков явно проклюнулись, но вид у них нездоровый. Роуз считает, что из-за слишком частого полива. Если так, винить в этом надо только Сисси Крэбб. (*NB.* Либо убрать горшки на второй этаж, либо предупредить Этель, чтобы в следующий раз провела леди Бокс в малую гостиную. Дискутировать с ней о луковичных я больше не в силах.)

10 декабря. Утром Роберт жалуется на скучный завтрак. Вряд ли овсянка, омлет, гренки, мармелад, булочки, черный хлеб и кофе – достаточное основание для такой претензии, но признаю, что овсянка слегка подгорела. Говорю, что сразу вспоминается Джейн Эйр²⁰ и сиротская школа Ловуд. Аллю-

²⁰ *Джейн Эйр* – главная героиня одноименного романа английской писатель-

зия не имеет успеха. Роберт предлагает позвать Кухарку, и мне стоит огромных усилий убедить его, что подобное действие чревато катастрофой.

В конце концов захожу на кухню сама и подбираюсь к теме пригоревшей овсянки окольными путями и с чрезвычайной осторожностью. Как и ожидалось, Кухарка выражает полное недоумение и заявляет, что это снова из-за плиты. Еще говорит, что срочно требуются пароварка, котел для рыбы и детские кружечки. Спрашиваю про недавно купленный сервиз, и мне показывают ручку от кружки, расколотое на три части блюдце и кружку с, такое впечатление, откушенным краем. Чувствую, что, если продолжать расспросы, обидится Мадемуазель. (*NB.* Французы крайне чувствительны, из-за чего с ними порой сложно иметь дело.)

Читаю биографию и письма недавно почившей знаменитости и, как это часто бывает, поражаюсь тому, сколь сильно ее корреспонденция отличается от писем менее знаменитых дам. Чуть ли не на каждой странице длинные нежные письма от других знаменитостей, афористичные заметки от литераторов и политиков, стихотворные признания в любви от мужа и даже малолетних детей. Безуспешно пытаюсь представить, что Роберт напишет нечто подобное в случае, если я обрету славу (исключено). Дорогая Вики тоже вряд ли станет излагать на бумаге свои чувства (если они у нее вообще есть).

Со второй почтой приходит письмо от Робина. Как всегда, очень ему рада, но лаконичное сообщение о том, что некоего одноклассника по фамилии Бэггз высекли, а приходящий учитель, мистер Гомпшоу, не пришел, потому что у него болит горло, не выдерживает никакого сравнения с длинными и красочными посланиями, которые, будучи в отъезде, всегда получала знаменитость, чью биографию я только что читала.

Остальные письма: счет от аптекаря (*NB*. Спросить Мадемуазель, как *два* тюбика пасты «Гиббз» израсходовались за десять дней), открытка от настройщика фортепиано, где он с огромным количеством грамматических ошибок сообщает, что придет завтра, и брошюра об Истинной Трезвости.

Очень любопытно, на каком основании Судьба распределяет свои Дары. Хотелось бы в таком случае верить в Реинкарнацию. В воображении рисуются жизненные обстоятельства, необратимо изменившиеся к лучшему, где среди прочего мы с леди Б. поменялись местами.

(*Вопрос*: Размышления на абстрактные темы – пустая трата времени?)

11 декабря. Роберт все еще ворчит по поводу вчерашнего завтрака и неожиданно интересуется, почему бы не Подать Окорок. Строго отвечаю, что окорок уже заказан, но доставлен будет к Рождеству, когда приедут гости – брат Роберта Уильям с женой Анжелой. Роберт в полном ужасе пере-

спрашивает, мол, неужели Уильям с Анжелой приедут уже в *Рождество*? Вопрос нелепый, поскольку они были приглашены еще несколько месяцев назад по инициативе самого же Роберта.

(*Вопрос*: Не типичен ли для представителей человеческого рода неоправданный оптимизм, порождающий ложное убеждение, что, если о светских визитах договариваться задолго до назначенной даты, они вообще не состоятся?)

Вики и Мадемуазель приносят с прогулки бело-рыжего котенка и утверждают, что он бездомный и оголодавший. Вики наливает в блюдечко молока и бурно радуется. Проявляю слабость и соглашаюсь, чтобы котенок остался «только на ночь».

(*NB*. Напомнить завтра Вики, что папочка не любит кошек.) Мадемуазель ведет себя очень по-французски главным образом в вопросе кошек, и мне приходится ее осадить. Она *blessée*²¹, и все трое удаляются в классную комнату.

12 декабря. Роберт говорит, не может быть и речи о том, чтобы взять к нам бродячего котенка. Мол, кота, который живет на кухне, более чем достаточно. Однако под влиянием уговоров Вики постепенно сменяет гнев на милость. Теперь все зависит от того, кот это или кошка. Вики с Мадемуазель объявляют, что пол им известен и котенка уже зовут Наполеон. Не чувствую в себе достаточно способностей продол-

²¹ Оскорблена в лучших чувствах (*фр.*).

жить дискуссию на французском. Садовник категорически не согласен с Вики и Мадемуазель, тогда они переименовывают котенка, играющего со старым теннисным мячиком, в Хелен Уиллс²².

Внимание Роберта (возможно, к счастью) переключается на загадочную неполадку водопровода. Слова «направить поток» кажутся мне описанием чудесного библейского деяния.

Намекаю Мадемуазель, что не стоит поощрять неблагодарные попытки Х. Уиллс проникнуть в нижние комнаты.

13 декабря. Поток направлен куда надо. Хелен Уиллс остается с нами.

16 декабря. Бушует ненастье, улицы затопило, полуповаленные деревья склонились к земле под причудливыми углами. Леди Бокс звонит сообщить, что на следующей неделе отбывает на юг Франции, потому что ей Необходимо Солнце. Говорит, что мне тоже стоит поехать, а то у меня вид измочаленный. Подобный эпитет кажется совершенно неуместным и обидным, хотя совет, возможно, и продиктован благими намерениями.

Почему бы просто не сесть в поезд, интересуется леди Б., и не махнуть во Францию, где Голубое Небо, Синее Море

²² Хелен Ньюингтон Уиллс (1905–1998) – прославленная американская теннисистка.

и Солнце Светит По-летнему? Могла бы дать исчерпывающий ответ, но воздерживаюсь, поскольку в лексиконе леди Б. слово «расходы», очевидно, отсутствует. (NB. Можно придумать интересную тему для дискуссии на очередном заседании Женского института. Например: «Воображение и унаследованное состояние – несовместимые понятия». Однако, если подумать, от этой темы, пожалуй, веет социализмом.)

В ответ неискренне заявляю, будто очень люблю Англию даже зимой. Леди Б. призывает меня не поддаваться провинциальному мышлению.

Отъезд леди Б., сопровождаемый настойчивыми просьбами пересмотреть мое решение насчет юга Франции. Вежливо, но неубедительно изображаю колебания и обещаю позвонить, если передумаю.

(*Вопрос:* Правда же, что зачастую на кривую дорожку лжи нас толкает бестактная настойчивость окружающих?)

17 декабря, Лондон. После длительной дискуссии с Робертом, который считает, что Все прекрасно заказывается по Почте, еду к дорогой Роуз на два дня за покупками к Рождеству.

Выезжаю первым утренним поездом, чтобы иметь в своем распоряжении целый день. Беру с собой старый кожаный чемодан Роберта, собственный фибровый, большой букет хризантем в оберточной бумаге для Роуз, маленький сверток с сэндвичами, дамскую сумочку, меховое манто на случай по-

холодания, книгу в дорогу и иллюстрированный еженедельник, который Мадемуазель любезно преподнесла мне на вокзале. (Напрашивается вопрос: Нельзя ли было обойтись без какой-нибудь из этих вещей? И если да, то без какой?)

Водружаю поклажу на багажную полку и раскрываю журнал с готовностью предаться безграничной праздности, вызванной непривычным отсутствием домашних обязанностей.

На первой остановке в вагон заходит дама и садится напротив. У нее умеренное количество дорогих с виду вещей, красная сафьяновая шкатулка для драгоценностей и новехонький (без библиотечного ярлычка) экземпляр «Жизни сэра Эдварда Маршалла-Холла»²³. Все это напоминает мне о леди Б. и вызывает рецидив Комплекса Неполноценности.

Оставшиеся места занимают пожилой джентльмен в гетрах, невзрачная дама в плаще и молодой человек, напоминающий карикатуры Артура Уоттса²⁴. Он листает «Панч»²⁵, а я сижу и гадаю, нет ли там уоттсовских карикатур и уловил ли

²³ *The Life of Sir Edward Marshall Hall* (1929) – биография выдающегося английского юриста, оратора и политика Эдварда Маршалла-Холла (1858–1928), который выступал адвокатом на многих громких процессах той поры и получил прозвище Великий Защитник, написанная английским юристом и политиком Эдвардом Марджорибэнксом.

²⁴ *Артур Уоттс* (1883–1935) – британский художник и иллюстратор, погибший в авиакатастрофе в Швейцарских Альпах; иллюстрировал первое издание «Дневника провинциальной дамы» (1930).

²⁵ *Punch* – еженедельный сатирический журнал, выходивший в Великобритании с 1841 г.

он сходство, а если уловил, то раздосадован или, наоборот, доволен.

Отвлекаюсь от этих бесполезных переживаний, потому что пожилой джентльмен неожиданно приходит в возбуждение и клянется, что на него откуда-то капает. Все устремляют взгляды на потолок, и дама в плаще неопределенно замечает, что, мол, «с трубами» такое «часто бывает». Кто-то высказывает сумасбродное предложение выключить печку. Пожилой джентльмен отрицает все эти версии и заявляет, что «капает с багажной полки». Мы все с ужасом смотрим на хризантемы для Роуз, с которых регулярно срываются крупные капли. Совершенно устыдившись, я убираю хризантемы, извиняюсь перед пожилым джентльменом и снова сажусь напротив высокомерной незнакомки, которая все это время не отрывалась от «Жизни Сэра Э. Маршалла-Холла» и теперь еще больше напоминает мне леди Б.

(NB. Поговорить с Мадемуазель о том, что не стоит без спросу совать цветы в воду перед тем, как завернуть их в бумагу.)

Погружаюсь в чтение иллюстрированного еженедельника. Там сообщают, что лорд Тото Финч (см. вкладыш) сделал снимки (фото ниже) Самых Прелестных Ножек в Лос-Анджелесе, принадлежащих английской Светской Львице и (вот совпадение) близкой родственнице пэра-заводчика скаковых лошадей, а по совместительству – отца всем известных светских щеголей-близнецов (портрет на развороте).

(*Вопрос*: Куда катится наша развлекательная периодика?)

Переключаюсь на рассказ, но бросаю чтение на самом интересном месте, поскольку никак не могу найти страницу XLVIII, где рассказ должен продолжаться. Перехожу к идеям Рождественских Подарков. Автор статьи уверяет, что подарки должны отражать индивидуальность и в то же время быть уместными, красивыми, но практичными. Так почему бы не приобрести Набор туалетных принадлежностей с эмалевыми вставками за 94 фунта 16 шиллингов 4 пенса или Набор хрусталя, точную копию раннеанглийского сервиза, по умеренной цене 34 фунта 17 шиллингов 9 пенсов?

Действительно – почему?

Умиляет то, что далее автор напрямую обращается к Дарителям, Которые Ограничены в Средствах, хотя мои средства не подпадают даже под это определение. «Оригинальность подарка компенсирует его пустячную цену». Разве не обрадовались бы многие из моих друзей курсу процедур (шесть за пять гиней) в салоне красоты «Мадам Долли Варден»²⁶ на Пиккадилли?

Не могу представить ни как делаю такой подарок Жене Нашего Викария, ни тем более – ее реакцию на него и, как обычно, решаю ограничиться календарем за шиллинг и

²⁶ *Долли Варден* – персонаж исторического романа Чарльза Диккенса «Барнаби Радж» (1839), давший название направлению британской женской моды конца XIX в.

шесть пенсов с изображением горы Скаффелл²⁷ на закате.

(И все же какое-то время тешу себя фантазией, что уверяю леди Б., будто от всей души дарю ей самый что ни на есть рождественский подарок: курс Упражнений для Снижения Веса и Массаж от Морщин.)

Прибытие в место назначения прерывает этот полет фантазии.

Вынуждена взять от вокзала такси, главным образом из-за хризантем (их не совсем сподручно везти с двумя чемоданами и манто на эскалаторе, к которому я все равно отношусь с опаской и неприязнью, да и, скорее всего, сойду с него Не С Той Ноги), но еще из-за того, что квартира Роуз расположена в модном районе – вдали от метро.

Дорогая Роуз встречает меня чрезвычайно тепло и очень признательна за хризантемы. Воздерживаюсь от упоминания инцидента с пожилым джентльменом.

19 декабря. Покупка рождественских подарков – крайне утомительное занятие. В универмаге «Арми энд нейви»²⁸ столбенею, думая, что потеряла список подарков, но он обнаруживается, когда я дохожу до отдела детской литературы. Заодно выбираю книгу для милого Робина и в сотый раз

²⁷ *Скаффелл-Пайк* – горная вершина в Озерном крае, на северо-западе Англии.

²⁸ *Army and Navy* – лондонский универсальный магазин, открывшийся в 1871 г.; первоначально обслуживал офицеров сухопутных войск и военно-морского флота.

жалею, что Вики заказала игрушечную оранжерею и *ничто другое* ее не устроит. Очевидно, пожелание выполнить не получится. (*NB.* При первой же возможности поискать сказку про яйцо птицы Рух²⁹ и рассказать ее Вики.)

Роуз советует сходить в «Селфриджес»³⁰. Я отвергаю эту идею, но в конце концов иду туда, нахожу восхитительную, хотя и дорогую игрушечную оранжерею и сразу же непатриотично ее покупаю. Роберту решаю не говорить.

Выбираю подходящие дары для Роуз, Мадемуазель, Уильяма и Анжелы (они будут у нас гостить, так что подарки должны быть уровнем повыше, чем календари) и безделушки для остальных. Не могу выбрать между крошечным, почти до невидимости, блокнотом и очень красивой открыткой для Сисси Крэбб, но в конце концов выбираю блокнот, так как он поместится в обычный конверт.

20 декабря. Роуз ведет меня на пьесу Сент-Джона Эрвина³¹, и я очень приятно провожу время. Одна дама в соседнем ряду спрашивает другую: «Почему бы тебе не написать пьесу, дорогая?» – «Времени нет, столько дел!» – отвечает

²⁹ *Рух* – мифическая птица гигантских размеров; упоминается в арабских сказках. Так, Аладдин приказывает джинну-рабу волшебной лампы раздобыть яйцо птицы Рух, но тот отказывается, говоря, что это невозможно.

³⁰ *Selfridges* – сеть дорогих универмагов, основанная британцем американского происхождения Гарри Селфриджем в 1909 г.

³¹ *Сент-Джон Грир Эрвин* (1883–1971) – крупнейший ирландский писатель и драматург.

подруга. Оторопеваю. (*Вопрос: А я сама могла бы написать пьесу? Мог бы кто угодно писать пьесы при наличии свободного времени? Сент-Дж. Э. живет в одном графстве со мной, но вряд ли это веский повод написать ему и спросить, как он умудряется найти время для сочинения пьес*).

22 декабря. Возвращаюсь домой. Луковичные в одном из горшков набрали цвет, но скудный.

23 декабря. Встречаю Робина на станции. Он потерял билет, пакетик сэндвичей и носовой платок, но зато при нем большой деревянный ящик с заклиненной внутри маленькой полочкой. Не иначе как результат работы на уроках по Столярному Мастерству (дорогостоящие дополнительные занятия) и одновременно рождественский подарок. Счет, конечно, пришлют позже.

Робин говорит, что надо непременно купить пластинку с песенкой «Из-за Иззи»³² (*NB. Часто тревожусь, что мои милые дети демонстрируют полное отсутствие художественного вкуса во всех областях: живописи, литературе, музыке... Поневоле прослушав купленную пластинку четырнадцать раз подряд, только укрепляюсь в этом убеждении.*)

Робин и Вики очень трогательно радуются встрече друг с

³² «Izzy Azzy Wazz» (1929) – шуточный фокстрот английского композитора Артура Леклерка, построенный на фонетическом каламбуре и обыгрывающий региональный акцент.

другом. Мадемуазель восклицает: «Ah, c'est gentil!»³³ – и достает носовой платок. Преувеличенная реакция, учитывая, что через полчаса она же приходит ко мне с жалобой: Р. и В. так расшумелись, что с потолка в детской сыплется штука-турка. Увещаваю шалунов успокоиться. В ответ они со второго этажа поют «Из-за Иззи». Расстраиваюсь, так как их пение служит лишним подтверждением печального факта: ни у той ни у другого нет и никогда не будет музыкального слуха.

В полчетвертого приезжают Уильям с Анжелой. Хотелось бы, чтобы чай подали раньше, но не хочу сердить слуг, так что сперва показываю гостям их комнаты, которые они уже не раз видели. Обсуждаем, что нового у родственников. Появляются Робин и Вики, по-прежнему поющие «Из-за Иззи». Анжела говорит, что они выросли. У нее на лице написано, что так отвратительно себя вести могут только дурно воспитанные дети. Она рассказывает, что недавно гостила у одной семьи, и, по ее словам, получается, что тамошние дети – необыкновенные чистюли и очаровательные умницы. И уж конечно – музыкально одарены и прекрасно играют на фортепиано.

(NB. Прием пищи – лучший способ развлечь гостя. Еще бы сократить промежуток от чая до ужина или добавить между ними какой-нибудь перекус.)

За ужином снова говорим о родственниках: слышно ли что-нибудь от бедного Фредерика, что там со свадьбой у

³³ «Как мило!» (фр.)

Молли и собирается ли бабушка снова на восточное побережье летом. Сержусь, поскольку Роберт с Уильямом засиживаются в столовой почти до десяти вечера, тем самым задерживая слуг.

24 декабря. Всем семейством отправляемся на детский праздник в соседнем приходе. Робин трижды говорит «Черт!» в присутствии тамошнего священника, причем это слово он не использует ни до, ни после, а, очевидно, приберегает специально для такого случая. В остальном праздник проходит очень хорошо, за исключением того, что я снова натыкаюсь на новую соседку с фермы, куда все никак не схожу с визитом вежливости. Ее зовут миссис Сомерс, и, по слухам, она разводит Пчел. Во время чаепития оказываюсь за столом рядом с ней, но в голову не приходит ни единого вопроса про Пчел, кроме: «Как вы их находите?» Оставляю неуместный каламбур при себе и завожу разговор о Подготовительной Школе. (Интересно отметить, что не найти родителя, который слышал бы о Подготовительной Школе чужого чада. *Вопрос:* Означает ли это, что в стране чересчур много таких учреждений?)

После ужина готовлю детские подарки, которые будут разложены по рождественским чулкам. Уильям, к сожалению, наступает на стеклянную деталь кукольного мебельного гарнитура, предназначенного в подарок Вики, но благородно предлагает в качестве компенсации шиллинг. Я отказываюсь. На вежливые препирательства уходит много времени. В

одиннадцать дети еще не спят. Анжела предлагает сыграть в бридж и спрашивает про миссис Сомерс, которую мы видели в соседнем приходе и которая, кажется, интересуется Пчелами? (Очевидно, А. преуспела в искусстве светской беседы больше меня, но вслух я этого не признаю.)

Рождество. Радостный, но утомительный день. Робин и Вики всем довольны и почти все время что-то жуют. Вики дарит тете Анжеле маленький квадратик материи, на котором крестиком вышит голубой ослик. Не знаю, то ли извиняться, то ли нет. В итоге решаю промолчать, но намекаю Мадемуазель, что, пожалуй, стоило выбрать другой рисунок для вышивки.

Наверное, дети слишком часто попадают на глаза, поскольку ближе к чаю Анжела начинает рассказывать мне, что у младших Мейтлендов такая очаровательная детская и они проводят там весь день, за исключением долгих прогулок с гувернанткой и собаками.

Уильям спрашивает, не из *Дорсетшира* ли миссис Сомерс, ну, та женщина, которая разбирается в Пчелах.

Мысленно помечаю себе, что обязательно должна нанести визит миссис Сомерс в начале следующей недели. И заранее почитать что-нибудь про Пчел.

На ужин холодная индейка и сливовый пудинг, так что слуги отдыхают. Анжела разглядывает луковичные и спрашивает, почему я решила, что они расцветут к Рождеству. Вместо ответа предлагаю всем лечь спать пораньше.

27 декабря. Отъезд Уильяма и Анжелы. Испытываю некоторое потрясение, когда Анжела напоследок спрашивает, знаю ли я, что это *она* под псевдонимом Интеллигенция на прошлой неделе выиграла конкурс во «Время не ждет». Естественно, я даже не подозревала об этом, но поздравляю Анжелу, ни словом не обмолвившись, что тоже подавалась на конкурс и ничего не выиграла.

(*Вопрос: Судьи «ВНЖ» точно компетентны в вопросах литературы? Или они так завалены работой, что уже не способны выносить справедливые вердикты?*)

Днем еще детский праздник с изысками и большим количеством гостей. Матери в черных шляпках стоят у стен и беседуют о садоводстве, книгах и о том, как трудно удержать слуг в деревне. Чай флегматично передают друг другу по залу, а детям накрывают в другой комнате. Вики и Робин ведут себя хорошо, я хвалю их по дороге домой, но позже Мадемуазель сообщает мне, что нашла целую коллекцию шоколадного печенья в кармане Викиного нарядного платья.

(*NB. Стоит ли указать Вики на то, что подобное поведение свидетельствует о нехватке благоразумия, хороших манер, опрятности и просто честности?*)

1 января 1930 года. Детский праздник у нас. Очень и очень утомительно, все осложняется сильной непогодой, из-за которой половина гостей не приехала и есть серьезные

опасения насчет приезда фокусника.

Решаю подавать детям чай в столовой, а взрослым – в кабинете и освободить гостиную для игр и представления. Немногочисленная мебель перенесена в мою спальню, где я постоянно на нее натыкаюсь. Горшки с луковичными переставляются с прохода на подоконники в коридоре, на что Мадемуазель говорит: «Tiens! Ça fait un drôle d'effet, ces malheureux petits brins de verdure!»³⁴ Мне эта характеристика совсем не нравится.

Дети священника из соседнего прихода приезжают слишком рано, и их проводят в совершенно пустую гостиную. Ситуацию спасает появление Вики в новом зеленом нарядном платье и с четырьмя воздушными шариками.

(*Вопрос*: Почему семьи духовенства столь непунктуальны и на любые праздники неизменно приезжают либо первыми, либо последними?)

Поражена тем, насколько разнится поведение матерей: некоторые из всех сил помогают с играми и идеями, другие просто отсиживаются. (*NB*. Справедливости ради, скорее *отстаиваются*, поскольку стулья рано заканчиваются.) Решаю в будущем по возможности отправлять Робина и Вики на праздники одних, потому что, с точки зрения хозяйки, принимать детей без родителей гораздо предпочтительнее. Кое-как организовываю игру «Апельсины и лимоны»³⁵, по-

³⁴ «Мелкие несчастные росточки как-то странно выглядят!» (*фр.*)

³⁵ «Oranges and Lemons» – английская народная песенка и подвижная игра,

сколько одновременно с умным видом отвечаю на реплики одной из матерей по поводу Выставки Итальянской Живописи в Берлингтон-Хаусе³⁶. Неожиданно для себя говорю, что картины восхитительны, хотя сама их еще не видела. Понимаю, что это недоразумение следует сразу прояснить, но не делаю этого и невольно еще сильнее увязаю в паутине лжи. Хотела бы понять, насколько я виновата в сложившемся положении вещей, но на это нет времени.

Чаепитие проходит хорошо. Мадемуазель берет на себя столовую, я – кабинет. Роберт и единственный присутствующий отец среди гостей (по возрасту больше похожий на дедушку) передают чай, а в перерывах обсуждают охоту на крупного зверя и последние выборы.

Фокусник приезжает с опозданием, но дети принимают его очень хорошо. Заканчивается праздник выуживанием подарков из кадки с отрубями, причем в итоге на ковре, детской одежде и в доме в целом оказывается больше отрубей, чем изначально помещалось в кадке. Странное явление, но подобное наблюдалось и раньше.

Гости разъезжаются с семи до половины восьмого, и Робин выпускает Хелен Уиллс и собаку, которые были заперты, потому что боятся хлопушек.

Мы с Робертом весь вечер помогаем слугам восстановить

похожая на «ручеек».

³⁶ *Берлингтон-Хаус* – общественное здание на улице Пиккадилли, в котором в 1864 г. располагаются несколько научных учреждений и Королевская академия художеств.

в доме порядок и пытаемся вспомнить, куда были убраны пепельницы, часы, безделушки и чернила.

3 января. В деревне охота на лис. Роберт соглашается взять с собой Вики на пони. Я, Робин и Мадемуазель идем к почте, откуда начнется действие. Робин говорит про Оливера Твиста, но ни словом не упоминает охоту, а на лошадей, собак и охотников взирает с полным равнодушием. Поражена такой невосприимчивостью к происходящему, но чувствую, что в ней наверняка кроется некий глубинный смысл по Фрейду. Также чувствую, что Роберт отнесся бы к этой гипотезе с неодобрением.

Встречаем множество соседей-охотников, и все задают Робину поразительно глупый вопрос: «Ты не верхом?», а меня спрашивают, много ли у нас повалило деревьев в последнее время, но, не дожидаясь ответа, начинают рассказывать о своем количестве пострадавшей растительности.

Мадемуазель смотрит на гончих и говорит: «Ah, cest bons chiens!»³⁷, а еще восхищается лошадьми – *quelle bêtes superbes*³⁸, – но предусмотрительно держится подальше от любой живности, и я следую ее примеру.

Вики мило смотрится на пони. Принимаю комплименты с небрежным и слегка недоуменным видом, дабы показать, что я – прогрессивная мать, которая с иронией относится к

³⁷ «Какие красивые собаки!» (фр.)

³⁸ Великолепные животные (фр.).

чрезмерной суете вокруг детей.

Мадемуазель комментирует отъезд охотников: «Voilà bien le sport anglais!»³⁹ Робин интересуется, можно ли уже уйти, и съедает плитку молочного шоколада. Возвращаемся домой, и я пишу письмо с заказом в магазин, открытку мяснику, два послания о Женских институтах и одно – о Девочках-Скаутах, записку дантисту с просьбой назначить прием на следующей неделе и делаю в блокнотике пометку о том, что *должна* нанести визит миссис Сомерс с фермы.

В ужасе недоумеваю, как на это мог уйти весь вечер.

Роберт с Вики возвращаются поздно. Вики в грязи с ног до головы, но невредима. Мадемуазель уводит ее и больше ничего не говорит про *le sport anglais*.

4 января. Прекрасный день и значительное потепление вселяют надежду на то, что при некотором везении миссис Сомерс не окажется дома, и я отправляюсь на ферму. Миссис Сомерс, наоборот, дома. Нахожу ее в гостиной и при взгляде на бархатное платье с орнаментом сразу думаю, что оно хорошо бы смотрелось на *мне*. Никаких признаков Пчел, и я прикидываю, как бы поумнее про них спросить, но миссис Сомерс неожиданно заявляет, что у нее гостит матушка и что та знает мою давнюю школьную подругу Сисси Крэбб, которая говорит, что я очень *забавная*. Входит матуш-

³⁹ «Английский национальный вид спорта во всей своей красе!» (фр.)

ка с элегантной укладкой «марсельская волна»⁴⁰ (не представляю, где она ее сделала, разве что приехала сюда прямоком из Лондона) и видом человека, умеющего красиво одеться даже в деревне. Матушку представляют – мне отчетливо слышится «Эггчок»⁴¹, но вряд ли такая фамилия вообще существует – и повторяют, что она знает мою давнюю школьную подругу Сисси Крэбб из Нориджа и та очень много ей рассказывала о том, какая я забавная. Опешив, не придумываю ничего лучше, чем сказать, что в последнее время погода была хуже некуда. Ухожу сразу, как только представляется возможность.

5 января. Роуз любезно приглашает меня на ужин в легендарный литературный клуб, если я приеду в Лондон на день. Председательствовать будет известный редактор еженедельной литературной газеты, а в качестве специального гостя приглашен автор знаменитой пьесы, снискавший ошеломительный успех. По словам Роуз, ожидается присутствие ведущих писателей, поэтов и художников со всего мира.

Почти весь вечер обсуждаю приглашение с Робертом. Объясняю ему, что (а) из расходов только билет туда и обратно третьим классом; (б) через двенадцать лет Вики начнет выходить в свет, а потому я обязана Поддерживать Нужные

⁴⁰ «Марсельская волна» – способ завивки горячими щипцами, которые изобрел парижский парикмахер Марсель Грато в 1872 г.

⁴¹ Egg (англ.) – яйцо; chalk (англ.) – мел.

Связи; (в) это – уникальная возможность; (г) я же не прошу его ехать со мной. Роберт не отвечает ничего на пункты (а) и (б), на (в) замечает: «Вряд ли» – и, похоже, несколько тронут пунктом (г). Затем подытоживает, что я вольна поступать так, как хочу, и, скорее всего, у Роуз в Хэмпстеде встречу друзей с тех времен, когда вращалась в кругах лондонской богемы.

Тронута и даже ненадолго задумываюсь, уж не ревнует ли Роберт. Но это подозрение тут же улетучивается, поскольку он заговаривает о том, что с утра не было горячей воды.

7 января. Роуз ведет меня на ужин в литературный клуб. Иду в Голубом платье. Поражена тем, как много в зале молодых мужчин, дерзко одетых во фланелевые рубашки без галстуков и с волосами, зачесанными торчком. Сопровождают этих молодых людей рыжеволосые девушки в креповых платьях с рисунком и в бусах. Все остальные в вечерних нарядах. Меня представляют выдающемуся редактору, который оказывается приятной женщиной. Спросить бы, почему приз в еженедельном конкурсе, который проводит ее газета, так часто делится между несколькими участниками, но это неуместно, и Роуз будет за меня стыдно.

За ужином меня усаживают рядом с прославленным автором бестселлеров, который, очевидно, по доброте душевной просвещает меня относительно уклонения от уплаты налогов на сверхприбыль. С легкостью скрываю от него досадный

факт: я сейчас не в той ситуации, чтобы мне требовались такие сведения. Напротив сидит очень выдающийся художник, который постепенно становится все общительнее. Это побуждает меня напомнить ему, что мы встречались раньше – в старые добрые хэмпстедские времена. Он с энтузиазмом сообщает, что прекрасно меня помнит (мы оба знаем, что это неправда), и наобум добавляет, что с тех пор следил за моим творчеством. Чувствую, что лучше не задавать уточняющих вопросов. Позже оказывается, что выдающийся художник пришел без гроша в кармане, и всем его соседям по столу приходится одолжить ему сумму, которую требует старший официант.

Радуюсь тому, что со мной нет Роберта, и совершенно уверена, что утром выдающийся художник ничего не вспомнит, а посему не вернет мне три шиллинга шесть пенсов.

Роуз любезно платит не только за себя, но и за меня.

(NB. Традиционные английские блюда, и без того не отличающиеся изысканностью, на публичных мероприятиях вроде банкета становятся прямо-таки тошнотворными. Даже страшно подумать, как восприняли бы иностранные гости сегодняшнюю рыбу, не говоря уже о других блюдах.)

Роуз представляет мне молодого джентльмена и шепотом поясняет, что он – соавтор одноактной пьесы, которую трижды давала театральная труппа в Югославии. Чуть позже джентльмен случайно упоминает, что встречал леди Бокс и та показалась ему крайне неприятной особой. Мы сразу же

находим общий язык. (*Вопрос*: Не является ли неприязнь одним из самых мощных объединяющих факторов? Ответ, к большому сожалению, утвердительный.)

Чрезвычайно выдающаяся Писательница подходит ко мне (очевидно, приняв за кого-то другого) и приветливо заводит беседу. Говорит, что ей пишется только с полуночи до четырех утра, да и то не всегда. А когда не пишется, она играет на органе. Очень хочется спросить, замужем ли она, но возможности вставить какой-либо вопрос не представляется. Она рассказывает мне о продажах своих книг. О последней вышедшей книге. О новой, которую сейчас пишет. Потом извиняется, мол, ей много с кем надо *обязательно* поговорить, и пытается догнать известного Поэта, однако тот успеваает уйти. Хорошо его понимаю.

Произносятся речи. Как это часто бывает, поражена степенью чужого красноречия и глубины мысли и думаю, что вот была бы незадача, если бы речь пришлось произносить мне, хотя по ночам часто не могу уснуть, сочиняя совершенно восхитительные пассажи, адресованные слугам, леди Б., Мадемуазель и остальным, но никогда не достигающие их ушей.

После ужина перехожу от одной группки людей к другой и встречаю знакомого литератора, имени которого не помню. Интересуюсь, публиковал ли он что-нибудь в последнее время. Литератор отвечает, что его труды не предназначены для публикации ни сейчас, ни в будущем. Думаю, что мно-

гим не помешало бы относиться к своему творчеству подобным образом. Однако вслух этого не говорю, и мы беседуем о Ребекке Уэст⁴², развитии авиации и доводах за и против оленьей охоты.

Роуз, которая все это время обсуждала американскую психиатрию с датским художником, спрашивает, готова ли я уже пойти домой. Выдающийся художник, который сидел напротив меня за ужином, предлагает нас подвезти, но в дело вмешиваются его друзья. Знакомый, чье имя я забыла, отводит меня в сторонку и уверяет, что Д. А. не в том состоянии, чтобы подвозить кого-то домой, и ему самому требуется сопровождающий. Мы с Роуз уезжаем на метро. Способ более прозаичный, зато надежный.

Засиживаемся до часу ночи, обсуждая представителей творческих кругов, в частности тех, кого видели и слышали сегодня вечером. Роуз предлагает мне почаще приезжать в Лондон для расширения кругозора.

9 января. Вернулась домой вчера. Робин и Мадемуазель друг с другом не разговаривают, и это как-то связано с разбитым окном. Вики сразу же сообщает мне по секрету, что выучила новое Плохое Слово, но пока что не собирается его произносить. Тревожит меня это «пока что».

Кухарка выражает надежду, что я хорошо развлеклась,

⁴² *Ребекка Уэст* (Сесиль Изабель Фэйрфилд, 1892–1983) – британская писательница, журналистка и суфражистка.

мол, в сельской местности слишком тихо. Ухожу, не дожидаясь, пока она скажет что-нибудь еще, но прекрасно понимая, что это не последний подобный разговор.

Пишу письмо Роуз, в котором благодарю ее и заодно объясняю, почему какое-то время не смогу расширять кругозор вне дома.

14 января. Уже не впервые наблюдаю, как банальнейшая простуда портит внешность, причем не только нос и верхнюю губу, но также волосы, цвет лица и его черты. Кухарка утверждает, что простуда обычно ходит по дому, пока не переболеют все, вот, например, у нее самой уже несколько недель болит горло, но не поднимать же шумиху из-за такого пустяка. (*Вопрос:* Это намек, что и я должна демонстрировать – но не демонстрирую – такую же крепость духа?) Мадемуазель говорит, мол, она *надеется*, что дети не подхватят от меня простуду, но утром оба чихали. У меня заканчиваются носовые платки.

16 января. У всех заканчиваются носовые платки.

17 января. Мадемуазель предлагает использовать марлю. В доме ее нет. Я говорю, что схожу и куплю. Мадемуазель предостерегает меня, что от свежего воздуха может быть пневмония. Совсем не британский подход, но возражать нет сил, да к тому же Мадемуазель вызывается пойти

сама. «Madame, j'y cours»⁴³. Она надевает черные лайковые перчатки, ботинки на пуговицах и с острыми носами и каблуками, шляпку с небольшим пером, черный жакет, повязывает вокруг шеи несколько шелковых платков и уходит, оставляя меня развлекать Робин и Вики, которые лежат в постелях. Через двадцать минут после ее ухода вспоминаю, что сегодня магазин закрывается раньше.

Поднимаюсь в детскую и предлагаю почитать лэмовские «Сказки Шекспира»⁴⁴. Вики предпочитает «Пипа, Сквика и Уилфреда»⁴⁵, а Робин хочет «Путешествия Гулливера». Сходимся на «Сказках братьев Grimm», хотя это так себе компромисс: едва ли повествование вполне отвечает современным идеалам. Обоих детей очень увлекает история про крайне сомнительного Персонажа, который получает состояние, славу и красавицу-принцессу с помощью лжи, насилия и коварства. Уверена, что это разрушительным образом скажется на их будущем.

Мадемуазель еще не вернулась, но заходит Жена Нашего Викария. Спускаюсь в прихожую, чихая на ходу, и говорю, что, наверное, лучше бы ей не задерживаться. Она соглашается, что, конечно, не стоит, она всего на минутку, и пуска-

⁴³ «Мадам, я сбéгаю» (*фр.*).

⁴⁴ Сказки на темы из пьес Шекспира («Шекспир для детей», 1807) написаны английским поэтом Чарльзом Лэмом (1775–1834) совместно с его сестрой Мэри Лэм (1764–1847).

⁴⁵ Пип, Сквик и Уилфред (пес, пингвин и кролик) – персонажи британского комикса, который публиковался в газете «Дейли миррор» с 1919 г.

ется в длинный рассказ про ячмень на глазу у Нашего Викария. В ответ слышит от меня про кухаркино больное горло. Это ведет к обсуждению сквозняков, обогревателя в церкви и новостей от леди Бокс с юга Франции. Жена Нашего Викария получила от нее открытку, на которой леди Б. крестиком отметила окно своего гостиничного номера. Она тут же достает открытку из сумки и демонстрирует мне с комментарием: «Любопытно, правда ведь?» Вру, что да, очень. (NB. Правду говорить чрезвычайно трудно. Это моя личная, крайне острая идиосинкразия или другие страдают так же?) Испытываю сиюминутный порыв пожаловаться Жене Нашего Викария, но решаю, что лучше не надо.

Она справляется о самочувствии дорогих детишек и мужа. Отвечаю сообразно ситуации, и она рекомендует корицу, эфирное масло «Вапекс», полоскание горла раствором тимола и глицерина, черносмородиновый чай, луковый отвар, монашеский бальзам⁴⁶, припарки из льняного семени и перцовый пластырь. Я чихаю и многократно ее благодарю. Она направляется к двери, но оборачивается и добавляет, что надо носить шерстяное нижнее белье, промывать нос и перед сном пить горячее молоко. Снова благодарю.

Возвращаюсь в детскую. Оказывается, Робин вытащил затычку из грелки Вики. Такое ощущение, что грелка исторгла

⁴⁶ *Монашеский бальзам* – настойка бензоина, использовавшаяся в антисептических целях (при лечении ран) и как ингаляционное средство от кашля; одно из самых популярных лекарственных средств в викторианскую эпоху.

несколько сотен галлонов теплой воды и теперь все подушки, пижамы, простыни, одеяла и матрасы насквозь мокрые. Звоню в колокольчик. Этель помогает мне поменять все белье и говорит: «Как в лазарете, да? Весь день вверх-вниз по лестнице с подносами... Столько лишней работы!»

20 января. Отвожу полностью выздоровевшего Робина обратно в школу. Спрашиваю про его успехи у директора. Тот отвечает, что новые Пристройки закончат к Пасхе, и что количество учеников так быстро растет, что, возможно, понадобится новое крыло в следующем триместре, и что, наверное, я читала его письмо в «Таймс», где он отвечает доктору Сирилу Норвуду⁴⁷. Мысленно отмечаю, что директора школ – отдельная ветвь человечества и если бы родители помнили об этом, сэкономили бы себе кучу времени.

Робин и я с утрированной веселостью прощаемся; плачу потом всю дорогу до станции.

22 января. За завтраком Роберт, который все это время игнорировал мое недомогание, ошарашивает меня вопросом, как там простуда. Я отвечаю, что она прошла, и он спрашивает, почему тогда я так выгляжу. Воздерживаюсь от уточняющего вопроса, потому что прекрасно знаю ответ. Жизнь кажется совершенно невыносимой, и я решаю срочно купить

⁴⁷ *Сэр Сирил М. Норвуд* (1875–1956) – английский педагог, возглавлял крупнейшие учебные заведения Англии; посвящен в рыцари за заслуги перед образованием.

новую шляпку.

Привычные разногласия между мной и Банком вынуждают (тоже привычно) заложить бриллиантовый перстень двоюродной бабки, что я и делаю на обычных условиях. Владелец ломбарда в Плимуте встречает меня как старую знакомую и иронично интересуется: «Под какой фамилией записать на *этот* раз?»

Обхожу четыре магазина и примеряю несколько десятков шляпок. С каждым разом выгляжу все хуже – волосы растрепаннее, лицо бледнее и испуганнее. В надежде улучшить ситуацию решаю вымыть голову и сделать завивку.

Помощница парикмахера говорит, мол, какая жалость, что мои волосы тускнеют, и не думала ли я о том, чтобы их подкрасить. После долгих уговоров мне их подкрашивают, и они получаются красными.

Помощница говорит, что цвет побледнеет через «несколько дней». Я ужасно зла, но что толку. Возвращаюсь домой в старой шляпке, которая скрывает почти все волосы, и не снимаю ее, пока не приходит время переодеться, но скрыть свой позор за ужином и не надеюсь.

23 января. Мэри Келлуэй телеграфирует, что сегодня утром будет проезжать неподалеку от нас в автомобиле, и нельзя ли заглянуть на ланч? Телеграфирую в ответ: «Да, конечно» – и спешу на кухню. Кухарка помогать не настроена и предлагает подать холодную говядину со свеклой. Я отве-

чаю, что да, отлично, но, может, все же лучше жареную курицу с хлебным соусом? Кухарка жалуется на плиту. В конце концов сходимся на котлетах с картофельным пюре, поскольку сегодня, к счастью, как раз должен прийти мясник.

Всегда рада видеть дорогую Мэри – она такая умная и забавная и пишет рассказы, за которые платят издатели, – но очень стесняюсь цвета волос, который нисколько не смылся. Серьезно подумываю над тем, чтобы весь ланч просидеть в шляпе, но это будет еще нелепее. Да и Вики обязательно что-нибудь скажет, не говоря уж о Роберте.

Позже. Худшие опасения насчет волос оправдались. Мэри, всегда такая наблюдательная, смотрит на мои волосы в напряженной тишине, но ничего не говорит, и я вынуждена рассказать полуправду. На это Мэри только замечает, что непонятно, зачем кому-то старить себя на десять лет. Если она таким образом пытается отговорить меня от дальнейших экспериментов, подобное замечание способствует этому как нельзя лучше. Меняю тему и говорю о детях. Мэри участливо слушает и даже говорит, что дети у *меня* смышленные, вдохновляя рассказывать смешные казусы из их жизни. Когда я добираюсь до рано проявившегося пристрастия Робина к хорошей литературе, замечаю пристальный взгляд Роберта. По любопытному совпадению со второй почтой приходит письмо от Робина, где он пишет, что хочет коллекционировать сигаретные вкладыши и не соберу ли я ему как можно больше картинок из серий «Красоты Британии», «Диковин-

ные клювы» и «Знаменитые футболисты». Про эту чудную просьбу не говорю ничего.

Мэри остается на чай, и мы обсуждаем Г. Дж. Уэллса, женские институты, инфекционные заболевания и «Конец путешествия»⁴⁸. Мэри говорит, что не может пойти на спектакль, потому что в театре всегда плачет. Я замечаю, что тогда от еще одного раза ничего не изменится. Спор становится жарким, и мы оставляем эту тему в покое. Входит Вики и с порога предлагает рассказать стишок. Мэри (у которой трое детей) явно не хочется слушать стишки, но она вежливо изображает энтузиазм. Вики декламирует «*Maître Corbeau, sur un arbre perché*»⁴⁹. (*NB.* Предложить Мадемуазель расширить Викин репертуар. «*Maître Corbeau*» в чередовании с «*La Cigale et la Fourmi*»⁵⁰ я слышу уже примерно в восьмисотый раз за последние полгода.)

После отъезда Мэри Роберт неожиданно замечает: «Вот *это* действительно привлекательная женщина». Мне приятна его высокая оценка моей талантливой подруги, но хотелось бы прояснить, что значит «действительно». Роберт, однако, больше ничего не говорит, и благоприятный момент

⁴⁸ *Journey's End* (1929) – пьеса английского драматурга Р. С. Шерриффа (1896–1975), действие которой происходит во время Первой мировой войны.

⁴⁹ Басня «Ворон и лисица» французского баснописца Жана де Лафонтена (1621–1695).

⁵⁰ Басня Лафонтена «Цикада и муравей» (стрекозой цикада стала у И. С. Крылова; в исходном варианте Эзопа, на который опирался Лафонтен, фигурировал кузнечик).

упущен, так как в гостиную входит Этель и сообщает, что на кухне закончилось молоко, но, кажется, в кладовке еще есть банка сгущенки и Кухарке этого хватит.

25 января. Посещаю Заседание Комитета, посвященное сбору средств для Сельского Клуба. Меня просят выступить. Начинаю речь с того, что знаю, сколь сильно всех нас заботит судьба этого прекрасного объекта, а потому не сомневаюсь, что недостатка в предложениях относительно того, как нам собрать требуемую сумму, не будет. Делаю паузу и жду, но в ответ – гробовая тишина. Говорю, что у нас огромный выбор, подразумевая, что тишина вызвана избытком, а не отсутствием идей. (*NB.* Забавно, но довольно печально, что порой ради Благого Дела приходится кривить душой.) Все продолжают молчать, и я дважды повторяю: «Так, так...» – и один раз говорю: «Ну-ну...» (Хочется пропеть: «Я пальчиком грожу: „Цыц-цыц!..“»⁵¹, но, к счастью, я подавляю это желание.) В конце концов выуживаю «концерт» из миссис Л. (чей сын играет на скрипке) и «игру в вист» из мисс П. (которая получила первый приз среди женщин на недавнем турнире). Флорри П. предлагает танцы, но ей сразу же напоминают, что будет пост. Она отвечает, что посты нынче не такие строгие, как раньше. Ее мать говорит, что Наш Викарий соблюдает пост и всегда соблюдал. Кто-то интересуется

⁵¹ «I Lift Up My Finger and Say „Tweet, Tweet!“» (1929) – популярная песенка, написанная британским композитором Лесли Сарони.

ся: мол, кстати, все слышали, что старый мистер Смолл скончался прошлой ночью? Все сходятся на том, что восемьдесят шесть – почтенный возраст. Миссис Л. возражает – а вот тетушке ее матери девяносто восемь, и она все еще с ними. Мужа тетушки, напротив, Господь призвал к себе накануне шестидесятого дня рождения. Все говорят: «Ну тут никогда не знаешь...» После приличествующего молчания возвращаемся к посту и Нашему Викарию. Миссис Л. выражает всеобщее мнение, говоря, что концерт – не танцы и ничему не помешает.

Достигнув понимания по этому вопросу, мы переходим к обсуждению программы. Уже знакомые номера: фортепианная пьеса, декламация, дуэт и скрипичное соло мистера Л. утверждаются единогласно. Кто-то из участниц заседания говорит, что миссис Ф. и мисс Х. могли бы исполнить диалог, но ей напоминают, что те больше не разговаривают друг с другом, потому что мисс Х. странно себя повела из-за кур. Миссис С. замечает, что там дело не только в *курах*, и вообще – у каждой истории две стороны (а у этой – все двадцать, судя по тому, до чего мы договариваемся в процессе обсуждения).

Неожиданно появляется Жена Нашего Викария и говорит извиняющимся тоном, что перепутала время. Я прошу ее сесть. Она отказывается. Я настаиваю. Она говорит: «Нет-нет, я постою» – и садится.

Начинаем обсуждение заново, но в целом позиция насчет

поста теперь менее гибкая.

Заседание заканчивается около пяти часов. Жена Нашего Викария идет домой со мной и говорит, что у меня усталый вид. Я приглашаю ее зайти на чай. Она отказывается, мол, это очень мило с моей стороны, но ей еще нужно в другой конец деревни. После этого стоит у калитки и рассказывает мне о старом мистере Смолле («Восемьдесят шесть – почтенный возраст») до четверти шестого, потом говорит, что ей непонятно, *с чего бы* мне так устать, и уходит.

11 февраля. Робин снова пишет насчет сигаретных вкладышей. Я отправляю ему все, какие насобирала, и Вики добавляет два от садовника. Признаюсь себе, что увлеклась охотой за карточками, и теперь и в Плимуте, и в других городах оглядываю канавы, тротуары, пол в трамваях в поисках «Диковинных клювов», «Знаменитых футболистов» и т. д. Дошла даже до того, что попросила абсолютно незнакомого попутчика, сидевшего напротив меня в поезде, *не выбрасывать* картинку в окно, а отдать мне. Попутчик изумлен, но учтиво выполняет просьбу, а поскольку объяснений он не просит, вынуждена оставить его в заблуждении, что я таким способом пыталась завязать с ним разговор.

(NB. Можно ли вопрос: «На что готова пойти – в пределах закона – мать ради своих детей?» – развить в краткую статью для «ВНЖ»? Поразмыслив, отказываюсь от этой идеи, поскольку основная мысль будущей статьи слегка напоминает название старой песенки: «Хорошие ли матери получают»

из креветок?»⁵²)

Слышу, что леди Бокс вернулась с юга Франции и устраивает у себя прием. По ее поручению мне звонит дворецкий и предлагает прийти завтра на чай. Принимаю приглашение. (Зачем?)

12 февраля. Возмутительное поведение леди Б. У парадного входа многочисленных гостей разворачивают в сторону корта, где мы, в поистине арктический холод, вынуждены стоять под символическим навесом и смотреть, как юноши в белых спортивных костюмах согреваются тем, что отбивают от стены теннисный мячик. Леди Б. одета в изумрудно-зеленый кожаный плащ с меховым воротником и манжетами. Я, пришедшая пешком просто в жакете и юбке, стремительно замерзаю. Незнакомая дама рядом со мной мечтательно рассуждает о тропиках. Хорошо ее понимаю. Пожилой джентльмен по другую руку заявляет, что нынешний договор по ограничению морских вооружений⁵³ – полная чушь. Сделав этот вклад в разговор о текущей международной обстановке, он умолкает. Уже после пяти нам дозволяют пройти в столовую и выпить чаю. К этому времени лицо у меня синее, а руки – лиловые. За чаем леди Б. спрашивает меня,

⁵² «Do Shrimps Make Good Mothers?» (1924) – шуточный фокстрот, написанный Одри Аллен и Гарольдом Алленом.

⁵³ Договор, подписанный США, Британской и Японской империями 22 апреля 1930 г. на Лондонской конференции по морским вооружениям.

как поживают детишки, при этом поясняя присутствующим, что я – «Идеальная Мать». Естественно, после этого все избегают со мной разговаривать. Леди Б. рассказывает нам о юге Франции. Цитирует собственные остроты на французском и сама же их переводит.

(Неизбежно Напрashaивающийся Вопрос: Повлияет ли пагубным образом на будущую карьеру детей приговор за непредумышленное убийство, вынесенный их матери?)

Обсуждаю зарубежные путешествия с незнакомой, но очаровательной дамой в черном. Мы нравимся друг другу (или мне так упорно кажется), и она настойчиво зазывает меня в гости, если мне случится быть в ее краях. Я отвечаю, что заеду, но прекрасно осознаю, что, когда дойдет до дела, смелости мне не хватит. Приятная уверенность во взаимной симпатии резко сменяется разочарованием, когда в ответ на недвусмысленный вопрос я признаюсь, что *не увлекаюсь* садоводством, в то время как дама в черном им буквально одержима. Она остается любезной, но уже не настолько рада нашему знакомству, и я падаю духом.

(NB. Постараться *уяснить*, что живущие в провинции редко имеют Успех в Обществе. Без сомнения, по замыслу Творца, они служат какой-то иной цели в этом огромном мире, однако какой, мне пока неизвестно.)

Леди Б. спрашивает, видела ли я новую постановку в Королевском театре. Я отвечаю, что нет. А Выставку Итальянской Живописи? Тоже нет. Она интересуется моим мнением

о романе «Мы, ее рядовые»⁵⁴ (который я еще даже не читала), и я тут же выдаю длинный и пылкий монолог о своих впечатлениях. Чувствую, что лучше пойти домой, пока меня совсем не занесло.

Леди Б. спрашивает, вызвать ли мой автомобиль. Воздерживаюсь от ответа, что мой автомобиль сам за мной не придет, хоть зазвонись, и отвечаю, что пришла пешком. Леди Б. восклицает, что это Невероятно и Совершенно Очаровательно. Ухожу, поскольку дальше она наверняка скажет, что я Идеальная Селянка.

Добираюсь до дома – все еще продрогшая до костей из-за вынужденного стояния на открытом корте – и высказываю Роберту все, что думаю о леди Б. Он не отвечает, но чувствую, что соглашается.

Мадемуазель говорит: «Tiens! Madame a mauvaise mine. On dirait un cadavre...»⁵⁵

Сказано из добрых побуждений, но картинка возникает не очень.

Вики, лежащая в постели, похожа на ангелочка. Желаю ей доброй ночи и спрашиваю, о чем она думает. Она с обескураживающей краткостью заявляет, что о кенгуру и всяком разном.

(NB. За направлением детской мысли порой чрезвычайно

⁵⁴ *Her Privates We* (1930) – роман о Первой мировой войне английского поэта и романиста Фредерика Мэннинга (1882–1935).

⁵⁵ «Вот-вот! Физиономия у нее страшная. Все равно что неживая...» (фр.)

трудно проследить. Даже матери.)

14 февраля. Выиграла конкурс в «ВНЖ», но приз снова поделили. В гневе пишу под вымышленным именем письмо в редакцию и протестую против этой ужасающей несправедливости. После того как письмо уходит, не на шутку пугаюсь, что использование вымышленного имени противозаконно. Смотрю в «Альманахе Уитакера»⁵⁶, но нахожу только гербовый сбор и сокрытие фактов незаконного рождения и с отращением его закрываю.

Пишу Анжеле под своим именем, добродушно интересуюсь, участвовала ли *она* в конкурсе. Надеюсь, что да и что у нее хватит благородства это признать.

16 февраля. Утром приходит Этель и сообщает, что Хелен Уиллс родила шестерых котят, из которых выжили пятеро.

Не представляю, как сообщить такую новость Роберту. Размышляю – уже не в первый раз – о том, что природа живет по своим законам.

Анжела пишет, что *не участвовала* в конкурсе, так как сочла задание детским, но разгадала «Кроссворд Меропы»⁵⁷ за пятнадцать минут.

⁵⁶ Ежегодный справочник, публикуемый в Великобритании с 1868 г. (создатель – Джон Уитакер); охватывает широкий круг вопросов (политика, образование, здравоохранение и т. д.).

⁵⁷ *Меропы* – персонаж греческой мифологии, одна из плеяд.

(NB. Последнее утверждение, скорее всего, неправда.)

21 февраля. Убираю горшки с тем, что осталось от луковичных, в теплицу. Говорю Роберту, что, надеюсь, в следующем году получится лучше. Он отвечает, что в следующем году лучше не тратить зря деньги. Эта фраза приводит меня в уныние, да еще на дворе по-прежнему холодина, а я еще не отошла от «гостеприимства» леди Б.

Вики и Мадемуазель проводят много времени возле обувного шкафа, где устроилась Хелен Уиллс с пятью котятками. Роберт все еще пребывает в неведении относительно случившегося, но нельзя рассчитывать, что такое положение вещей продлится долго. Для подобного признания надо выбрать подходящий момент, и вряд ли это будет сегодня, поскольку утром вода в ванной опять не грелась.

Днем заезжает леди Б., но не для того, чтобы справиться, не слегла ли я с пневмонией, что было бы логично, а спросить, помогу ли я с благотворительным базаром в начале мая. Уточняющие вопросы выявляют, что базар нужен для сбора средств на Помощь Партии. Я спрашиваю какой. (Политические взгляды леди Б. мне хорошо известны, но меня возмущает, что мои априори считаются такими же, а это не так.)

Леди Б. сначала выражает Удивление, а потом говорит: «Вы только посмотрите на русских» – и даже: «Вы только посмотрите на папу римского». Неожиданно для себя отвечаю: «Вы только посмотрите на Уровень Безработицы», и

разговор заходит в тупик. К счастью, вскоре подают чай, а после него, к еще большему счастью, леди Б. заявляет, что больше никак не может задерживаться, потому что ей нужно еще столько Арендаторов объехать! Потом справляется о Роберте, и мне хочется с серьезным лицом ответить, что он уехал принимать Клятву Верности от вассалов, но решаю, что это все же неуместно.

Провожая леди Б. до двери. Она говорит, что дубовый шкаф лучше бы смотрелся на другой стороне прихожей и что мебель из красного дерева и из грецкого ореха не ставят в одном помещении. Напоследок она обещает Написать насчет благотворительного базара. Автомобиль уезжает, а я отвожу душу, размахивая ему вслед красным флажком Вики, который лежал тут же под вешалкой, и кричу: «À la lanterne!»⁵⁸ К сожалению, именно в этот момент в прихожей появляется Этель. Она ничего не говорит, только изумленно смотрит на меня.

22 февраля. Преобладает уныние из-за того, что Хелен Уиллс совершила невероятно идиотский поступок: прошлой ночью представила отпрысков одного за другим на обозрение Роберту, когда тот обходил дом перед сном.

Отправляю Мадемуазель и Вики с поручением в деревню, пока на заднем дворе в ведре с водой происходит «избиение младенцев». Рыжему котенку разрешено выжить. Дол-

⁵⁸ «На фонарь!» (*фр.*) – клич времен Французской революции.

го думаю, как правдоподобно объяснить Вики исчезновение остальных. По секрету сообщаю Мадемуазель, что произошло, и она советует мне предоставить все объяснения ей. С облегчением принимаю совет, и Мадемуазель добавляет, что *les hommes manquent de soeur*⁵⁹. Чувствую, что за этим последует многократно слышанная история про *un mariage échoué*⁶⁰, когда родители Мадемуазель много лет назад пытались выдать ее замуж, но свадьба сорвалась из-за меркантильности *le futur*⁶¹. Срочно интересуюсь водонепроницаемостью ботинок Вики.

(*Вопрос*: Сказывается ли постоянное бремя хозяйственных забот на способности к состраданию? Боюсь, что да, но пока что не нахожу в себе сил это изменить.)

Получаю длинное и местами неразборчивое письмо от Сисси Крэбб. На задней стороне конверта совершенно неожиданный вопрос: не знаю ли я *очень* хорошей управительницы пансионом? Подавляю сильное желание послать в ответ открытку: «Нет, но могу рекомендовать очень надежного Дантиста». Насколько я помню еще со школьных времен, у дорогой Сисси почти отсутствует чувство юмора.

24 февраля. Мы с Робертом обедаем у Нашего Депутата и его супруги. Я сижу рядом с пожилым джентльменом, кото-

⁵⁹ Мужчинам плевать на женские чувства (*фр.*).

⁶⁰ Несостоявшуюся свадьбу (*фр.*).

⁶¹ Женишка (*фр.*).

рый рассуждает об оленьей охоте и уверяет меня, что в ней нет Ничего Жестокого. Оленям *нравится*, а еще – это честный, здоровый и исконно *английский* вид спорта. Я поддакиваю, потому что любой другой ответ был бы пустой тратой времени, и начинаю говорить про ущерб от непогоды, про новых соседей и про поле для гольфа в Бадли-Солтертоне⁶². Однако мы почти сразу возвращаемся к теме оленьей охоты и не сходим с нее до конца обеда.

Дама в костюме-тройке кошенилевого цвета, сидящая напротив Роберта, рассказывает ему, что у нее Ознобление. Роберт вежлив, но излишней озабоченности не проявляет. (Возможно, кошенилевый костюм считает, что он из тех людей, кто неспособен выражать чувства?) Она добавляет, что когда-то у нее был аппендицит, сейчас имеется ишиас, а в ближайшем будущем ей угрожает колит. Роберт все так же невозмутим.

Дамы удаляются в гостиную и обступают довольно тускло горящий камин. Подается кофе. Я проделываю привычный трюк, чтобы принести гостинец Вики: незаметно перемещаю большой кусок леденцового сахара с блюдца в сумочку. (*Вопрос*: Почему людям, живущим в этой же местности, без труда даются небольшие материальные радости, которые я никак получить не могу? Прихожу к логическому заключению, что виной тому – неумелое ведение хозяйства.)

Входят мужчины. Мой сосед снова поднимает тему оле-

⁶² *Бадли-Солтертон* – приморский город в восточном Девоне.

ншей охоты, на этот раз в беседе с хозяйкой, которая, как всем известно, активный член Королевского общества защиты животных.

Наш Депутат заговаривает со мной о Регби. Отвечаю, что французы молодцы и что Беотеги⁶³ показывает хорошую игру. (*NB.* Эта единственная известная мне фамилия всегда выручает в подобных разговорах, но надо *непрерывно* узнать фамилию хотя бы одного британского игрока и иногда их чередовать.)

Собираемся уходить и произносим приличествующие благодарственные речи, но тут защелка на сумочке не выдерживает, кусок леденцового сахара с невероятно громким стуком падает на паркет, и все присутствующие, кроме меня, с чрезмерной услужливостью бросаются его поднимать.

Оч-ч-чень неприятный момент...

Роберт в целом воспринимает происшествие спокойно, только по пути домой спрашивает, как я думаю, пригласят ли нас еще к Депутату в гости.

28 февраля. С радостью отмечаю появление крупной поросли крокусов возле ворот. Хочется манерно и с очаровательной улыбкой упомянуть об этом в обществе и повообразить себя главной героиней «Элизабет и немецкого сада»⁶⁴,

⁶³ *Анри Беотеги* (1898–1975) – французский регбист, участник национальной сборной Франции.

⁶⁴ *Elizabeth and Her German Garden* (1898) – полуавтобиографичная, лириче-

однако мои фантазии прерывает Кухарка, которая сообщает, что пришел Продавец Рыбы, но принес только треску и пикшу и у пикши несвежий запах, значит брать только треску?

Вот так и в Жизни.

1 марта. Келлуэи обедают у нас перед нашей всеобщей поездкой на бракосочетание Розмари Х., дочери общего приятеля и соседа. Камин не хочет разжигаться, и я все еще борюсь с ним, когда приезжают гости. С ними младший сын, ровесник Вики, и все трое продрогли. Я зову их пройти и погреться, и они с радостью принимают это бессмысленное приглашение. Вбегает Вики, и я, как обычно, поражаюсь тому, насколько у нее безоговорочно прямые волосы по сравнению практически со всеми остальными детьми в мире. (У маленького Келлуэя волосы выются естественным образом.)

Курица пережарена, а картофель недоварен. Меренги нравятся всем, особенно детям. Это приводит к тому, что Мадемуазель и Вики некоторое время препираются *sotto voce*⁶⁵ из-за добавки. В конце концов Мадемуазель призывает Вики проявить *un bon mouvement*⁶⁶ и в целях понуждения к скорейшему выполнению просьбы убирает ее тарелку, ложку и вилку. Все делают вид, что не замечают этой драмы, кроме

ская и сатирическая книга-дневник английской писательницы Элизабет фон Арним (Мэри Аннетт Бошан, 1866–1941).

⁶⁵ Шепотом (*ит.*).

⁶⁶ Зд.: благородство (*фр.*).

младшего Келлуэя, который с веселым видом набрасывается на второе пирожное.

Выезжаем сразу после обеда. Роберт и муж Мэри предстают перед нами в неестественно шикарных нарядах и даже с цилиндрами. Впечатление от великолепия значительно смазывается тем, что, когда цилиндры оказываются надеты, это вызывает всплеск безудержного веселья со стороны детей. Мы отъезжаем, а они хватаются за Мадемуазель, обессилев от смеха.

(Вопрос: Неужели комплекс неполноценности, про который так много пишут и говорят в последнее время, теперь становится уделом родителей?)

Мэри выглядит мило в голубом платье и восхитительном колье с бриллиантами. Я в красном платье и с сожалением думаю о перстне двоюродной бабки, который пребывает на попечении моего старого приятеля – хозяина ломбарда на задворках Плимута. *(NB. Финансовая ситуация по-настоящему плачевна, необходимо собрать и отправить ненужную одежду старьевщику. С удивительно правдоподобным видом особы, живущей в достатке, накидываю манто, надеваю белые перчатки и туфли – одна из которых сильно жмет, – и сажусь в машину. Наглядный пример иронии судьбы.)*

Очаровательная свадьба. Розмари Х. выглядит прелестно, подружки невесты крайне живописны. У одной из них ярко-рыжие волосы, и я столбенею, когда муж Мэри шипит мне сквозь зубы: «У тебя ведь такого же цвета были волосы, ко-

гда покрасилась?»

На приеме толпа народу. В основном все знакомые, но какая-то дама в розовом и в очках внезапно говорит, что я, наверное, ее не помню (чистая правда), но она как-то играла в теннис у меня в гостях, и интересуется, как поживают мои милые близнецы. Почему-то отвечаю, что у них все очень хорошо. Втайне надеюсь никогда больше с ней не встретиться.

Обмениваюсь любезностями с миссис Сомерс, новой соседкой. Она истово извиняется за то, что не нанесла мне ответный визит. Не знаю, что ответить: то ли, что этого не заметила, то ли, что она может исправить это упущение, как только пожелает. И то и другое прозвучит невежливо.

Старушка-леди Дафффорд напоминает мне, что в прошлый раз мы с ней виделись на свадьбе у Джонсов и говорит, что *в тот раз* все закончилось печально, не прошло и года. И еще слышала ли я, что Грины расстались и что бедняжке Уинфред Р. пришлось вернуться к родителям, потому что Он запил? Неудивительно, что в заключение своей речи она говорит, мол, весьма *тревожно* наблюдать за тем, как два юных существа начинают совместный путь.

К парадному входу подъезжает большой автомобиль жениха. Старушка Д. наклоняется еще ближе ко мне и сокрушается, что в наше-то время жених бы приехал в карете, запряженной парой лошадей. Не выражаю ожидаемого согласия, поскольку считаю, что это совершенно ненужное напоминание о том, как летит время, да и вообще, я namного

младше леди Д.

Легкую грусть от разговора несколько развеивает бокал шампанского. Я сентиментально спрашиваю Роберта, не напоминает ли ему происходящее *нашу* свадьбу. Он удивленно отвечает, что нет, пожалуй, нет, что здесь похожего? Подходящий ответ не придумывается, так что вопрос отпадает.

За отъездом новобрачных следует массовый исход гостей, и мы возьмем Келлуэев к себе на чай.

С огромным облегчением снимаю туфли.

3 марта. После игры в халму⁶⁷ Вики неожиданно интересуется, стала бы я плакать, если бы она умерла. Отвечаю утвердительно. «А *очень* сильно? – не унимается она. – А выть и кричать?» Воздерживаюсь от признания за собой способности к столь бурным проявлениям чувств, что, кажется, одновременно обижает и изумляет Вики. Говорю с Мадемуазель и выражаю надежду, что она не будет поощрять у Вики подобные размышления, почти что нездоровые. Мадемуазель просит перевести ей последнее слово, и, после некоторых раздумий, я предлагаю *dénaturé*⁶⁸. Она театрально ахает, крестится и уверяет меня, что если бы я поняла, что сказала, то *en reculer d'effroi*⁶⁹.

Не возвращаемся больше к этому вопросу.

⁶⁷ Халма – настольная игра, которую иногда называют «китайские шашки».

⁶⁸ Извращенный (фр.).

⁶⁹ Подпрыгнула бы от ужаса (фр.).

В семь часов за мной заезжает Жена Нашего Викария, и мы отправляемся на заседание соседнего Женского института, где я довольно опрометчиво согласилась выступить. По дороге Жена Нашего Викария рассказывает, что у секретаря в любой момент может приключиться сердечный приступ, так что ей ни в коем случае нельзя волноваться и перевозбуждаться. Потом многозначительно добавляет, что спровоцировать приступ может даже слишком сильный смех.

Поспешно пересматриваю свою речь и вычеркиваю две смешные истории. С огромным удивлением узнаю, что в программу вечера входят танцы и игра в жмурки. Спрашиваю Жену Нашего Викария, что будет, если у секретаря так случится сердечный приступ, и она загадочно отвечает: «Она всегда носит с собой Капли. Главное – не выпускать из виду ее сумочку». Занимаюсь этим весь вечер, но, к счастью, ничего драматичного не происходит.

Я выступаю, меня благодарят и просят выбрать победителя в Конкурсе Штопки. Соглашаюсь, несмотря на внутренние опасения, что мало кто разбирается в штопке хуже моего. Меня снова благодарят и угощают чаем с пончиком. Во время игры в жмурки все входит в раж. Главным событием вечера становится столкновение двух грузных пожилых матрон в центре комнаты с последующим шумным падением на пол. От такого уж точно может случиться сердечный приступ, и я готова помчаться за сумочкой, но все обходится. После всеобщего исполнения гимна Жена Нашего Вика-

рия выражает надежду, что фары ее двухместного автомобиля работают, и везет меня домой. К нашему облегчению и удивлению, *все фары*, кроме одной задней, работают, хотя светят довольно тускло.

Я приглашаю Жену Нашего Викария зайти. Она отвечает: «Нет-нет, право, уже слишком поздно», но заходит. Роберт и Хелен Уиллс спят в гостиной. Жена Нашего Викария говорит, что она только *на минутку*, и мы беседуем о деревенских жительницах в целом, о Стэнли Болдуине⁷⁰, отелях на Мадейре (где ни одна из нас не была) и прочих не связанных друг с другом темах. Этель приносит какао, но по тому, как она ставит поднос на стол, понятно, что она считает требования к ней в этом доме чрезмерными и, скорее всего, завтра попросит расчет.

В одиннадцать Жена Нашего Викария выражает надежду, что фары ее автомобиля *по-прежнему* работают, и идет к двери. Там мы говорим о предстоящем концерте в деревне, о попугайной лихорадке⁷¹ и о местном епископе.

Автомобиль не заводится, и мы с Робертом толкаем его до дороги. Он долго дергается, тарахтит, но наконец мотор начинает работать. Жена Нашего Викария машет нам рукой в облаке пыли, и автомобиль исчезает из виду.

⁷⁰ *Стэнли Болдуин* (1867–1947) – британский политик-консерватор, в 1920–1930-е гг. трижды занимавший пост премьер-министра.

⁷¹ *Попугайная лихорадка* – острое инфекционное заболевание, также известное как орнитоз.

Роберт негостеприимно предлагает немедленно выключить свет, закрыть дверь и лечь спать, а то вдруг Жена Нашего Викария за чем-нибудь вернется. Так и делаем, но нам мешает Хелен Уиллс, которую Роберт тщетно пытается выгнать из дома на ночь. Она прячется то за пианино, то за книжным шкафом и в конце концов исчезает.

4 марта. Как я и ожидала, Этель просит расчет. Кухарка говорит, что в доме какой-то беспорядок и она, наверное, тоже уйдет. Меня охватывает отчаяние. Отправляю пять писем в Бюро по Найму Прислуги.

7 марта. Все безнадежно.

8 марта. Кухарка смягчается и говорит, что подождет, пока все не устроится. Хочется ответить, что в таком случае она с нами навсегда, но, естественно, не говорю. Еду в Плимут и провожу утомительный день в поисках мифических горничных. Встречаю леди Б., которая заявляет, что проблема с прислугой надуманна. Вот у нее такой проблемы НЕТ. Главное – правильное обращение. Твердость, но в то же время гуманность. А я гуманна? Понимаю ли я, что слугам тоже иногда нужно отвлекаться? Я безрассудно отвечаю, что нет, обычно я после работы сажаю слуг на цепь в подвале. Леди Б. снижает мой сатирический пафос тем, что хохочет и говорит, какая, мол, я всегда забавная! Потом добавляет, что

обязательно увидимся за обедом в гостинице «Герцог Корнуолльский»⁷² – только там и подают приличную еду. Я с напускной сердечностью отвечаю, что, конечно, увидимся, и иду в маленькое неприметное кафе, где заказываю привычный обед, состоящий из печеных бобов и стакана воды.

Неизбежный вопрос, на который мучительно трудно ответить: если бы леди Б. пригласила меня отобедать в «Герцог Корнуолльском», стоило бы принять приглашение? Признаюсь себе, что порядком устала от печеных бобов с водой, на которых все равно не продержишься целый день, занятый беготней за покупками и поиском прислуги. Более того, я всегда рада посмотреть на Иную Жизнь, в гостинице или еще где. С другой стороны, если бы я приняла приглашение на обед, цена которому пять шиллингов, это нанесло бы серьезный урон моему самоуважению. Размышляю над этой дилеммой всю дорогу домой, но так и не прихожу к определенному выводу.

День прошел крайне неудачно в том, что касается поиска горничной, в целом же поездка была не совсем бесполезной: я хотя бы нашла на тротуаре два довольно чистых сигаретных вкладыша с «Диковинными клювами».

9 марта. Никаких откликов по поводу места горничной. Этель, напротив, получает сотни предложений, и к дверям

⁷² *Duke of Cornwall* – отель в Плимуте; открыт в 1865 г. в связи с наплывом туристов в Девон.

то и дело подъезжают роскошные автомобили с жаждущими нанимателями. Кухарка пуще прежнего жалуется на беспорядок в доме. Если так будет продолжаться, поеду в Лондон к Роуз и похожу там по Бюро.

Утром встречаю в деревне Барбару в новом твидовом костюме. Девушка она приятная и умная, но так и хочется посоветовать ей удалить аденоиды. Она спрашивает, не буду ли я Ангелом и не навещу ли ее матушку, которая с недавнего времени практически прикована к постели. Я сердечно отвечаю, что, конечно же, навещу, хотя на самом деле не собиралась, но потом вспоминаю, что сейчас пост, и решаю зайти к матушке сразу же. Выражаю восхищение новым костюмом Барбары. Она говорит, что костюм и правда довольно симпатичный, и зачем-то поясняет, что заказала его из распродажного каталога Джона Баркера за четыре гиней и понадобилось всего-то выпустить в талии и немного забрать в плечах. И почему-то резюмирует, что в моде снова юбки подлиннее.

Барбара идет на вечернюю службу, а я отправляюсь к ее матушке. Та сидит в кресле, закутанная в шали, и не без некоторой демонстративности читает толстенную биографию лорда Биконсфилда⁷³. Я справляюсь о самочувствии, а матушка Барбары качает головой и спрашивает, могу ли я представить, что когда-то друзья называли ее Бабочкой. (На

⁷³ *Лорд Биконсфилд* – Бенджамин Дизраэли (1804–1881), премьер-министр Великобритании, лидер Консервативной партии, а также известный журналист и писатель.

такие вопросы всегда очень трудно отвечать, потому что и «да» и «нет» прозвучат одинаково бестактно. И уж тем более не стоит говорить, что сейчас она больше похожа на куколку бабочки из-за шалей.) Тем временем миссис Бленкинсоп с печальной улыбкой замечает, мол, несмотря ни на что, не в ее характере думать только о себе и своих невзгодах. Потому-то она просто сидит здесь день-деньской, всегда готовая разделить с людьми их маленькие радости и печали, и надо же, как часто к ней приходят именно за этим! И потом говорят, что им становится лучше от одной ее Улыбки, а почему – она не знает. (Я тоже.)

Миссис Б. замолкает, явно ожидая, что я вывалю ей свои радости и печали. Возможно, надеется услышать, что Роберт мне изменяет или что я влюбилась в Нашего Викария.

Не могу оправдать ее ожиданий, поэтому заговариваю о новом твидовом костюме Барбары. Миссис Бленкинсоп немедленно замечает, что она всю жизнь добавляет к одежде штрихи, которые Полностью Преображают наряд. Ленточка там, цветок здесь. За этим следует длинное рассуждение, начинающееся с того, что подруга однажды сказала ей: «Это прекрасно, дорогая миссис Бленкинсоп, что вы так радуете о других!», и заканчивающееся выводом, что хотя теперь она и Немошная Старуха, но у нее огромное количество друзей, должно быть, потому, что она всегда руководствовалась девизом: «Обращай взор свой наружу, а не внутрь. Гляди вверх, а не под ноги. Протяни руку помощи».

Разговор снова затухает, и я спрашиваю миссис Б., что она думает о лорде Биконсфилде. Миссис Б. отвечает, что он, по ее мнению, был Выдающейся Личностью.

Ей часто говорят, мол, как вам должно быть одиноко, когда милая Барбара уходит гулять с подругами. Но миссис Б. на это отвечает, что *Вовсе Нет*. Она никогда не остается одна, с ней Книги. Вот ее *Друзья*. Дайте ей Шекспира или Джейн Остин, Мередита или Гарди⁷⁴, и она С Головой погрузится в собственный мир. Сон к ней так редко приходит, что по ночам она в основном читает. А представляю ли я, каково это – каждый час, нет, каждые полчаса всю ночь слушать колокольный звон? Совершенно не представляю, поскольку вынуждена сражаться с неотступной сонливостью начиная с девяти утра, но мне не хочется в этом признаваться, поэтому откланиваюсь. Напоследок миссис Б. благодарит меня за то, что провела старуху. Все у нее хорошо, насколько может быть хорошо в шестьдесят-то шесть *весен*, как велят ей говорить друзья.

Возвращаюсь домой с ощущением бездарно потраченного времени и желанием огрызаться на всех и вся.

10 марта. Горничной по-прежнему нет, и я спрашиваю Роуз в письме, можно ли мне приехать к ней на неделю.

⁷⁴ *Джордж Мередит* (1828–1909) – один из ведущих английских писателей викторианской эпохи. *Томас Гарди* (1840–1928) – крупнейший английский романист и поэт поздневикторианской и эдвардианской эпохи.

Еще пишу старой тетушке Гертруде в Шропшир, мол, нельзя ли Вики с Мадемуазель погостить немного у нее. Так будет меньше работы по дому, пока у нас не хватает прислуги, однако тетушке Гертруде я эту причину визита не сообщаю. Спрашиваю Роберта, не слишком ли ему будет одиноко. Он отвечает, что несколько, и выражает надежду, что я хорошо отдохну в Лондоне. Стараюсь как можно доходчивее объяснить, что еду в Лондон не отдыхать, но обрываю себя, испугавшись, что становлюсь похожей на миссис Бленкинсоп.

Роберт ничего не говорит.

11 марта. Роуз телеграфирует, что будет рада моему приезду. Кухарка, к моей немалой досаде, говорит: «Уверена, вы хорошо отдохнете, мэм». Воздерживаюсь от того ответа, который *хотела бы* дать, из-за серьезных опасений, что она тоже попросит расчет. Вместо этого говорю, что надеюсь «укомплектовать» дом горничной до возвращения. Кухарка крайне недоверчиво смотрит на меня и говорит, мол, она, конечно, тоже на это надеется, а то последнее время в доме такой беспорядок. Делаю вид, что не слышала, и ухожу с кухни.

Перебираю свою одежду и обнаруживаю, что мне нечего носить в Лондоне. Читаю в «Дейли миррор», что вечерние платья теперь длинные, и с ужасом осознаю, что ни одно из моих платьев даже наполовину не закрывает ноги.

12 марта. Отправляю большую часть своего гардероба посылкой по адресу с рекламной страницы «ВНЖ», где пишут, что примут Поношенную Одежду по Высокой Цене и, в свою очередь, вышлют чек обратной почтой. Испытываю мрачное предчувствие, что выручки, в свою очередь, хватит разве что на несколько шестипенсовых марок, поэтому вынуждена добавить в посылку старую охотничью куртку Роберта, его же макинтош 1907 года и наименее приличный из шерстяных свитеров. Встаю перед привычным моральным выбором: честно и открыто признаться Роберту в содеянном или поступить более прагматично и дожидаться, пока посылка покинет дом, а Роберт сам обнаружит пропажу. Совесть, как обычно, побеждена, но голос ее не заглушен.

(Вопрос: Не в умении ли подавить в себе излишнюю чуткость и тратить меньше времени на сожаления о своих словах и поступках проявляется сила характера? Ответ, скорее всего, утвердительный. В воображении рисуется превосходный черновой вариант заголовка мощной Статьи для «ВНЖ»: «Жестокосердие выгоднее раскаяния?» Нет, на статью нет времени из-за ухода горничной и необходимости выучить «Крушение Геспера»⁷⁵ для концерта в деревне. Может, это подходящая тема для обсуждения на заседании Женского института? Но не сочтет ли Жена Нашего Викария, что предмет обсуждения – прерогатива Нашего Викария?)

⁷⁵ «Wreck of the Hesperus» (1840) – баллада американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло (1807–1882) о катастрофе, постигшей шхуну «Геспер».

Отказываюсь от членства в клубе «Книга месяца», поскольку все сильнее расхожусь с ними во мнении относительно достоинств и недостатков современной прозы. Пишу в клуб длинное и убедительное письмо и, только отправив его, вспоминаю, что за мной остался долг в двенадцать шиллингов и шесть пенсов за «Байрона» Моруа⁷⁶.

13 марта. Вики и Мадемуазель уезжают в гости к тетушке Гертруде. Мадемуазель сентиментально произносит: «Ah, déjà je languis pour votre retour!»⁷⁷ Чувствую, что не стоит поощрять подобные настроения, поскольку из дома мы вышли всего полчаса назад, а уезжают они с Вики на три недели. Усаживаю их в поезд, где Мадемуазель сразу достает одеколон на случай, если одной из них или обеим станет дурно, и возвращаюсь в деревню. Дом напоминает склеп, а садовник говорит, что мисс Вики слишком маленькая, чтобы отсылать ее так далеко, ведь она не сможет *сама* написать мне и сообщить, как у нее дела.

Ложусь спать, чувствуя себя убийцей.

14 марта. Получаю довольно скромный почтовый перевод вместе с белой теннисной курткой, отороченной мехом

⁷⁶ «Дон Жуан, или Жизнь Байрона» (1930) – биография знаменитого английского поэта, написанная классиком французской литературы XX в. Андре Моруа.

⁷⁷ Зд.: «Ах, я уже скучаю!» (фр.)

кролика. В сопроводительном письме сказано, что куртка возвращена, поскольку такой товар непродается. Хотелось бы знать *почему*. Лелею мысль написать в редакцию «ВНЖ» и поинтересоваться, достаточно ли тщательно они проверяют рекламные объявления перед публикацией, но решаю, что это может повлечь за собой неудобные вопросы и сказаться на моей репутации периодического получателя, пусть и с кем-нибудь на пару, первого приза в еженедельном конкурсе.

(NB. Проверить, нельзя ли перекрасить белую куртку и сделать из нее нарядную накидку.)

Дома меня, к сожалению, застают гости: мистер и миссис Уайт, которые открывают неподалеку Куриную Ферму и, кажется, поженились-то с расчетом заработать на ней состояние. Мы беседуем о курах, домах, природе и железнодорожном сообщении между деревней и Лондоном. Интересуюсь, играют ли они в теннис, и просто из вежливости предполагаю, что наверняка да, причем превосходно. К моему удивлению, мистер Уайт отвечает, мол, в принципе да, только он бы не сказал, что так уж *превосходно*, явно имея в виду, что именно так бы и сказал, если бы это не прозвучало как хвастовство. Интересуется, проводят ли у нас турниры. Оба принимаются вспоминать, какую партию и когда они выиграли или проиграли и на какое место в турнирной таблице попадали. Решаю никогда не приглашать Уайтов на наш крайне убогий корт.

Далее мы говорим о политиках. Мистер Уайт заявляет, что, по *его* мнению, Ллойд Джордж⁷⁸ умен, Но и Только. А больше, мол, *ничего* из себя не представляет. Просто Умен. Я спрашиваю, а как же Коалиционное Правительство и Закон о Страховании⁷⁹, но мистер Уайт твердо повторяет, что в обоих случаях Ллойд Джордж просто оказался Достаточно Умен. Потом добавляет, что Болдуин – абсолютно *честный* человек и что Рамсей Макдональд *слабак*. Миссис Уайт поддерживает его отвлеченным рассуждением в том духе, что лейбористы наверняка в сговоре с Россией, иначе разве большевики решились бы на подобные действия?

Потом так же неожиданно добавляет, что сухой закон⁸⁰, и евреи, и все остальное – это только начало, не правда ли? Соглашаюсь, потому что это самый быстрый способ закрыть тему, и спрашиваю, играет ли миссис Уайт на пианино, и она отвечает, что нет, только немного на Укулеле, а дальше мы обсуждаем местные магазины и доставку воскресной газеты.

(NB. Выбор тем разговора, особенно в сельской местности, – чрезвычайно интересный объект для изучения.)

Уайты уезжают. Надеюсь, что больше никогда их не увижу.

⁷⁸ Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) – один из крупнейших лидеров Либеральной партии, премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

⁷⁹ В 1911 г. Ллойд Джордж провел закон о государственном страховании, дававшем право на обеспечение по болезни и нетрудоспособности.

⁸⁰ В 1920 г. в США был принят закон, запрещающий продажу, производство, ввоз и перевозку алкоголя.

15 марта. Роберт обнаруживает отсутствие макинтоша 1907 года. Говорит, мол, он бы «лучше потерял сто фунтов», что неправда. Вечер не задался. Не могу решить, сказать Роберту про охотничью куртку и свитер и разом покончить с этим вопросом или пусть сам обнаружит их отсутствие после того, как сгладится впечатление от первого неприятного открытия. Во мраке появляется просвет, когда Роберт неожиданно спрашивает, не знаю ли я синоним слова «спокойный» из семи букв, и я после некоторого размышления предлагаю «смирный». Этот вариант подходит, и Роберт возвращается к кроссворду в «Таймс». Потом он просит подсказать название горы в Греции, но не принимает мой поспешный ответ «Атлас»⁸¹ и не слушает увлекательное объяснение ассоциативной связи между Грецией, Геркулесом и Атласом. Я рассуждаю об этом еще какое-то время, но Роберт не следит за ходом моей мысли, и я отправляюсь спать.

17 марта. Еду в Лондон с Барбарой Бленкинсоп (в новом твидовом костюме), которая рассказывает, что проведет две недели у своей школьной подруги в Стретеме⁸² и с нетерпением ждет посещения Выставки Итальянской Живописи. Я тоже. Спрашиваю, как поживает миссис Б., и Барбара отвечает, что Прекрасно. Мы обсуждаем Девочек-Скаутов и де-

⁸¹ *Атлас* – горный массив в северо-западной части Африканского континента, названный в честь титана из греческой мифологии.

⁸² *Стретем* – район в южной части Лондона.

лимся предположениями, почему миссис Т. с почты больше не разговаривает с миссис Л. из лавки. Далее разговор принимает более интеллектуальную направленность, и мы сходимся в том, что Приходской Вестник Нуждается в Обновлении. Я предлагаю кроссворды, а Барбара – Детскую Страничку. Прибываем на Паддингтон, согласившись, что бесполезно и пытаться заполучить в наш журнал действительно *стоящего* автора, уровня Шоу, Беннетта⁸³ или Голсуорси.

Приглашаю Барбару на чай в мой клуб на следующей неделе, она принимает приглашение, и мы расходимся.

Роуз встречает меня в новой шляпке и говорит, что теперь *никто* не носит шляпки с полями. Расстраиваюсь, потому что у меня *все* шляпки с полями, и еще я знаю, что без полей буду выглядеть совсем плохо. Высказываю это опасение Роуз, и она спрашивает, почему бы не сходить в известный Косметический Салон и не пройти там курс процедур. Вижу в зеркале, что имеется простор для улучшений, и соглашаюсь при условии соблюдения строжайшей тайны, поскольку мне невыносима мысль о том, что леди Б. узнает об этом и как-то прокомментирует. Записываюсь в салон по телефону. Роуз спрашивает, как насчет того, чтобы до салона сходить на Выставку Итальянской Живописи? Она там была уже четыре раза. Я отвечаю, что да-да, конечно, я же еще и за этим приехала в Лондон, но лучше пойти на выставку с утра пораньше.

⁸³ *Енох Арнольд Беннетт* (1867–1931) – английский писатель, журналист и драматург.

«Значит, утром первым делом идем туда?» – уточняет Роуз. Очень неохотно отвечаю, что утром мне *необходимо* обойти Бюро по Найму Прислуги. «Но *когда же* на выставку?» – не понимаете Роуз. Отвечаю, что договоримся чуть позже, когда я буду точно знать свои планы. Роуз тактично молчит, но по ее лицу видно, что она обо мне думает. Понимаю, что рано или поздно на выставку сходить придется, и я решительно настроена ее посетить, но не сомневаюсь, что ничего там не пойму и попаду во множество неловких ситуаций, когда меня будут спрашивать о впечатлениях.

Кухарка Роуз, как обычно, готовит восхитительный ужин, и я со стыдом и жалостью вспоминаю, что Роберт дома довольствуется макаронами с фаршем и сыром, а на десерт – грецкими орехами.

Роуз говорит, что завтра она ведет меня на ужин к выдающейся писательнице, у которой превосходная коллекция нефрита, и там мы встретимся с еще более выдающимся Профессором (женщиной) и другими известными личностями. Решаю купить вечернее платье, невзирая на превышение кредита.

18 марта. Очень продуктивный день, хотя до Выставки Итальянской Живописи так и не дошла. (*NB.* Успеть туда сходить до встречи с Барбарой в клубе.)

Посещаю несколько Бюро по Найму Прислуги, и во всех мне говорят, что горничные не любят сельскую местность

(это я и так знаю) и что жалование, которое я предлагаю, слишком низкое. В расстройстве ухожу и решаю поднять себе настроение покупкой вечернего платья, которое я не могу себе позволить, с модной линией талии, которая мне не идет. Выбираю Бромптон-роуд⁸⁴, поскольку там, скорее всего, есть то, что я хочу. Медленно иду, разглядывая витрины, и сталкиваюсь нос к носу с Барбарой Бленкинсоп, которая восклицает, мол, надо же, как *удивительно*, что мы встретились именно здесь! Я говорю, что в Лондоне такое часто бывает. Она сообщает, что идет на Выставку Итальянской Живописи... Сразу прощаюсь и ныряю в элегантно оформленное заведение с дорогими нарядами в витринах.

Примеряю пять платьев, но оценить их достоинства очень сложно, поскольку прическа становится все более растрепанной, а на носу остается все меньше пудры. Еще мне не нравится удивительно бестактная манера продавщицы каждый раз подчеркивать, что цвет, который мне понравился, выглядит невыгодно при дневном освещении, но вечером будет смотреться лучше. Наконец выбираю серебристую парчу с большим бантом и распоряжаюсь насчет немедленной доставки. Мне говорят, что это невозможно. Я неохотно соглашаюсь унести платье в картонной коробке и ухожу, думая, что, пожалуй, надо было выбрать черный шифон.

Надеюсь, что эксперимент с дамским салоном поднимет

⁸⁴ На Бромптон-роуд расположен известнейший лондонский универмаг «Хэрсродс».

самооценку, застывшую на довольно низкой отметке, но для пущей радости иду в «Фуллерз»⁸⁵ и отправляю по коробке шоколадных конфет Робину и Вики. Добавляю мятную помадку для Мадемуазель, иначе она может счесть себя *blessée*. Обедаю супом из бычьих хвостов, лобстером под майонезом и чашкой кофе, поскольку такое меню наиболее сильно отличается от домашнего.

На очереди Салон Красоты. Чувствую, мне будет что рассказать про поход туда, и в свете нашего с Барбарой Б. недавнего обсуждения даже подумываю о том, чтобы разнообразить содержание Приходского Вестника рассказом о моих впечатлениях, однако, поразмыслив, отказываюсь от этой идеи, так как она вряд ли понравится Главному Редактору (Нашему Викарию).

В приемной салона восседает персона совершенно ужасающего вида с лицом ослепительного цвета, ярко-синими волосами и оранжевыми ногтями, однако в итоге меня передают очень хорошенькому милому существу с каштановыми волосами, подстриженными в стиле «боб», и очаровательной улыбкой. Успокаиваюсь. Меня заводят в отдельную кабинку и усаживают в длинное кресло. Последующие многочасовые процедуры, очевидно, призваны удалить толстый слой грязи с моего лица (очаровательная сотрудница доверительно сообщает мне, что это результат «закисления»). Еще она вы-

⁸⁵ *Fuller's Cakes* – кондитерская компания, основанная в Лондоне выходцами из США в 1889 г.

щипывает мне брови. Очень-преочень болезненная процедура.

Встаю с кресла не совсем узнаваемая и с видом гораздо лучшим, чем был до этого. На радостях покупаю крем, румяна, пудру и помаду. Предвижу значительные сложности с тем, чтобы примирить Роберта с использованием этих средств, но решаю пока об этом не думать.

Возвращаюсь к Роуз как раз вовремя, чтобы переодеться к ужину. Она говорит, что провела день на Выставке Итальянской Живописи.

19 марта. Роуз ведет меня на ужин со своими талантливыми подругами из Феминистского Движения. Я в новом платье и впервые в жизни довольна своей внешностью (но все еще сожалею, что бриллиантовый перстень двоюродной бабки сейчас украшает витрину ломбарда на задворках Плимута). Приходится усилием воли подавлять мысли о счетах, которые придут из Салона Красоты и магазина. В основном мне это удается благодаря обаянию выдающихся Феминисток, которые еще и до невозможности добры. Известный Профессор (я заранее посоветовалась с Роуз, что бы почитать о Молекулах и прочих подобных темах для поддержания разговора) окончательно завоевывает мое расположение, когда с очаровательной улыбкой достает два сигаретных вкладыша, поскольку слышала, что я собираю их для Робина. Весь вечер радуюсь и совершенно забываю про Молекулы.

Редактор известного еженедельника даже помнит, что мы встречались на ужине Литературного Клуба. К концу ужина выясняется, что она *не была* на Выставке Итальянской Живописи, и я выразительно смотрю на Роуз.

Коктейли и совершенно восхитительный ужин дополнительно оживляют вечер. Я сижу рядом с Редактором, и она довольно опрометчиво предлагает мне сказать, что я думаю о еженедельнике. Я свободно выражаю свое мнение благодаря коктейлю и очаровательным манерам Редактора, которые в совокупности порождают иллюзию, будто мои слова остроумны, важны и к ним стоит прислушаться. (Слишком хорошо понимаю, что ночью проснусь в холодном поту, воспроизведу эту сцену в голове и испытаю совершенно другие чувства насчет сыгранной мною роли.)

Мы с Роуз уходим незадолго до полуночи и едем на такси с очень известной женщиной-драматургом. (Ужасно хочется, чтобы об этом узнала леди Б., так что я всерьез намереваюсь невзначай упомянуть об этом в разговоре с ней при первой же возможности.)

20 марта. Еще несколько Бюро по Найму с еще более плачевными результатами.

Барбара Бленкинсоп приходит на чай в клуб и говорит, что в Стретеме очень весело и что друзья водили ее вчера вечером на танцы, а после мистер Кросби Карразерс подвез ее домой на своем автомобиле. Затем мы говорим об одеж-

де: вечерние платья носят длинные – это изящно, но негигиенично; женщины уже никогда не захотят носить длинные юбки днем; большинство людей отращивают волосы... Но в итоге Барбара снова заговаривает о мистере К. К. и спрашивает, не произведет ли девушка впечатление легкодоступной, если примет приглашение поужинать с другом-мужчиной в Сохо? Отвечаю, что конечно же нет, а сама думаю, что из Вики получилась бы прелестная маленькая подружка невесты в голубой тафте и веночке из роз.

Вечером приходит письмо от дорогого Робина, пересланное из дома. Он пишет, что было бы здорово отправиться в автотур на пасхальные каникулы и что один мальчик по фамилии Бриггз едет в такую поездку (Бриггз – единственный сын родителей-миллионеров, у них два «роллс-ройса» и бесчисленное количество шоферов). Невыносимо отказывать Робину в этой наивной просьбе, и надо уговорить Роберта, чтобы он разрешил мне свозить детей в другой конец графства на стареньком «стэндарде»⁸⁶. Эту скромную экспедицию можно назвать автотуром, если остановиться на ночь в гостинице при пабе и вернуться на следующий день.

Одновременно думаю, что в текущей финансовой ситуации, особенно учитывая стремительное приближение срока, когда надо либо выкупать перстень двоюродной бабки, либо распрощаться с ним навсегда, остается только просить Банк

⁸⁶ Марка автомобилей, выпускавшаяся компанией *Standard Motor Company*, основанной в Ковентри, Англия, в 1903 г.

об увеличении кредита.

Такая перспектива никогда не радует и с каждым последующим разом не становится менее неприятной, скорее наоборот. Как обычно, затрудняюсь перейти к сути визита, и какое-то время мы с Управляющим оживленно обсуждаем погоду, политическую ситуацию и Претендентов на участие в Национальных скачках⁸⁷. Затем наступает неизбежная пауза, и мы смотрим друг на друга поверх огромного розового листа промокательной бумаги. В голове возникает неуместный вопрос: запас промокашек хранится в ящике стола или чистый лист кладут на стол к приходу клиента? (Блуждания мыслей в ситуации крайней нервозности – интересный предмет для размышлений. Хотелось бы услышать, что об этом думает Профессор, с которой я познакомилась вчера вечером. Тема куда предпочтительнее Молекул.)

Происходит долгий и весьма мучительный разговор. Управляющий Банком добр, но если уж он сказал слово «надежность» – повторит его еще раз двадцать. Я, в свою очередь, настойчиво произношу словосочетание «временная ссуда», так как оно звучит по-деловому и предполагает скорый возврат. Мне уже кажется, что самая трудная часть обсуждения позади, но тут Управляющий сбивает меня с мысли тем, что предлагает посмотреть на Текущее Состояние Счета. Естественно, я вынуждена согласиться, приняв вежливо-отстраненный и слегка ироничный вид, хотя на самом

⁸⁷ Национальные скачки ежегодно проводятся на ипподроме Эйнтри с 1839 г.

деле хорошо знаю, что Текущее Состояние Счета перетекло в дебиторскую задолженность размером Тринадцать Фунтов, два шиллинга и шесть пенсов. В кабинет вносят большой документ с этим впечатляющим итогом и кладут его на стол между нами.

Переговоры возобновляются.

Наконец выхожу на улицу. Цель достигнута, но сил не осталось больше ни на что. Роуз – сама доброта – поит меня Боврилом⁸⁸, кормит отличным ланчем и поддакивает, мол, все разговоры о том, что Не В Деньгах Счастье, – Сущяя Чепуха, ведь мы-то знаем, что *в них*.

21 марта. Делюсь с Роуз серьезным опасением, что, если в ближайшее время не появится горничная, я сойду с ума. Роуз, как всегда, проявляет сочувствие, но не может предложить ничего, что бы я уже не испробовала. Поднимаем себе настроение Распродажей, где я покупаю желтое теннисное платье за 1 фунт 9 шиллингов и 6 пенсов на вновь продленный кредит, но тут же начинаю терзаться мыслью, что отняла хлеб у Робина и Вики.

Довольно неприятный момент. Я предлагаю Роуз сходить на Выставку Итальянской Живописи. После многозначительной паузы Роуз говорит, что выставка *закрылась*. Ска-

⁸⁸ *Боврил* – мясной концентрат, используемый для приготовления бульонов и считающийся полезным за счет своей питательности; изобретен Джоном Лоусоном Джонстоном в 1870-х гг.

зать на это нечего, поэтому, не обращая внимания на выражение лица Роуз, тут же с умным видом заговариваю о новых книгах.

22 марта. В полной растерянности читаю лаконичную открытку от Роберта, где он пишет, что, местное Бюро по Найму Прислуги может прислать нам *горничного*, и, если я так никого и не нашла, может, стоит согласиться? Телеграфирую в ответ «Да», потом решаю, что совершила ошибку, но Роуз возражает и не пускает меня отправить новую телеграмму, за что я, по здравом размышлении, ей благодарна, а уж как будет благодарен Роберт с его истинно мужской неприязнью к телеграммам.

Весь вечер пишу Роберту длиннущее письмо с прилагающимся списком обязанностей горничного. (Снова начинаю сомневаться в своем решении при мысли о том, что он будет приносить мне чай по утрам, и советуюсь с Роуз, но та уверенно заявляет: «Представь, что это официант в Иностранном Отеле!» Сразу вспоминаю множество неловких эпизодов, которые предпочла бы забыть.) Также отправляю Роберту подробные инструкции относительно того, как сообщить об этом нововведении Кухарке. Роуз снова демонстрирует прогрессивный подход и говорит, что Кухарка, наоборот, будет довольна.

Почти всю ночь раздумываю над вопросом успешного ведения хозяйства и далеко не в первый раз говорю себе, что

мои способности в этой области очень, очень ограничены. Засыпаю, не успев осознать всю полноту этого открытия.

25 марта. Возвращаюсь домой к Роберту, Хелен Уиллс и новому горничному по фамилии Фицсиммонс. Говорю Роберту, что звать его так решительно невозможно. Роберт интересуется почему. Отвечаю, что, раз он сам не понимает, объяснять бесполезно. Роберт предлагает обращаться к горничному по имени. Таковым, после небольшого расследования, оказывается Говард. Это выше моих сил, так что в итоге я говорю просто «вы», а в разговоре с Робертом иронично называю горничного «Говард Фицсиммонс». Так себе выход из ситуации.

Пытаюсь рассказать Роберту о Лондоне (без упоминания Выставки Итальянской Живописи), но поговорить нормально не дает керосиновая лампа, которая слишком разгорается, а еще надо ответить на письмо по поводу Ежемесячного Собрания в Женском институте, заменить в спальне стаканы, которые, похоже, разбила Этель, разобраться с пропажей верха от пижамы и двух столовых салфеток в прачечной и объяснить Говарду Фицс. его обязанности. (*NB.* Ясно дать ему понять, что, когда тебе поступает указание, не надо отвечать: «Ага, ладно!» Следует донести это до него четко и твердо, только пока не знаю, какими именно словами.)

Роберт благосклонно выслушивает мой рассказ о Лондоне, но, кажется, его больше интересует моя встреча с Барбарой Бленкинсоп (с которой я, вообще-то, могу в любое

время увидеться в деревне), нежели мои мысли по поводу «С девяти до шести»⁸⁹ (давно не смотрела настолько хорошего спектакля!) или значительно возросшей интенсивности уличного движения за последние годы. Порциями рассказываю Роберту о новых нарядах. Он спрашивает, куда я собираюсь их носить, и я совершенно справедливо замечаю, мол, никогда не знаешь, что может пригодиться, и на этом разговор заканчивается.

Пишу Анжеле длинное письмо с целью невзначай упомянуть о выдающихся подругах Роуз, с которыми познакомилась в Лондоне.

27 марта. Анжела отвечает, но мало пишет о светских кругах, в которых я вращаюсь, зато просит полного отчета о впечатлениях от Выставки Итальянской Живописи. Они с Уильямом специально ездили в Лондон и побывали на выставке трижды. Могла бы сказать, но, разумеется, не стану, что Уильяма, должно быть, все три раза тащили туда силой.

28 марта. Во «Время не ждет» превосходная, но крайне неутешительная статья Бернарда Шоу о женщинах, основные положения которой можно отнести к большинству из нас. Уже не впервые думаю, что долг умных женщин по от-

⁸⁹ *Nine till Six* (1930) – пьеса Эйми Стюарт о двух женщинах разного социального происхождения, которые работают портнихами; в 1932 г. по ней был снят одноименный кинофильм (реж. Бейзил Дин).

ношению к представительницам своего пола – рассказывать им неприглядную правду о самих себе. В то же время лично мне неприятно было бы услышать такую правду. В частности, меня не оставляет в покое мысль из последнего абзаца, касающаяся моего несомненного несовершенства в вопросах воспитания Робина и Вики. Я и так часто задумывалась, а не Ошибка ли природы – Матери? Теперь могу с определенностью утверждать, что *да*.

Любопытные размышления о том, как и кем их лучше заменить, прерывает необходимость проверить, прибрал ли Фиц. гостевую спальню согласно указаниям. Испытываю невыразимое отвращение, оттого что он сидит в спальне на кресле, взгромоздив ноги на подоконник. Говорит, что «ему как-то нехорошо». Опешив от всего этого гораздо больше, чем он, теряю самообладание настолько, что говорю: «Пойдите к себе». После понимаю, что можно было подобрать более подходящие слова.

2 апреля. Заходит Барбара и спрашивает, можно ли поговорить со мной *конфиденциально*. Заверяю ее, что да, и сразу же выставляю Хелен Уиллс с котенком за окно, дабы ничем не нарушать доверительную обстановку. Лопаясь от нетерпения, жду, что мне по меньшей мере сообщат о помолвке. Стараюсь сохранять серьезное и сочувственное выражение лица, пока Барбара говорит, что порой очень сложно понять, в чем состоит Истинный Долг. Она всегда полага-

ла, что высшее предназначение женщины – хранить домашний очаг, а главное в ее жизни – снискать любовь Добропорядочного Мужчины. Я поддакиваю. (Поразмыслив, обнаруживаю, что не согласна ни с одним из этих утверждений, и поражаюсь собственному неприкрытому лицемерию.)

После долгого вступления Барбара признается, что Кросби предложил ей выйти за него замуж (произошло это в Зоопарке) и поехать в качестве его жены в Гималаи. И вот тут, по словам Барбары, начинаются сложности. Может, это старомодный взгляд, а она, без сомнения, старомодна, но разве может она оставить матушку одну? Нет, не может. А бросить Кросби, который говорит, что никого прежде так не любил и не полюбит? Тоже не может.

Барбара всхлипывает. Я ее целую. Именно в этот момент Говард Фицсиммонс приносит чай. В замешательстве сажусь на место и замечаю, что нарциссы у Викария нынче расцвели раньше наших, а Барбара пускается в рассуждения о вердикте в деле Подмора⁹⁰. Мы неловко топчемся вокруг этих тем, пока Говард Фицсиммонс накрывает к чаю. Разрушение доверительной атмосферы довершают мои вынужденные вопросы о том, желает ли Барбара молока, сахара, хлеба с маслом и так далее. (*NB.* Обязательно поставить на вид Кухарке этот крохотный кусочек бисквита – впервые появившегося на столе, если правильно помню, недели полторы назад. И сколько можно подавать эти вечные и такие неаппетитные

⁹⁰ Громкое дело об убийстве в Саутгемптоне, происшедшем 10 января 1929 г.

«каменные кексы»?⁹¹⁾

Заходит Роберт и говорит о свиной чуме, после чего любые дальнейшие откровения становятся невозможными. Барбара уходит сразу же после чая и спрашивает только, не могла бы я ненадолго Заглянуть к ее матушке. Неохотно соглашаюсь. Барбара садится на свой велосипед и уезжает. Роберт говорит, что эта девушка хорошо держится в седле, но какая жалость, что у нее такие лодыжки.

4 апреля. Иду проведать старую миссис Бленкинсоп. Она, как обычно, закутана в шали, но сменила «Лорда Биконсфилда» на «Фруда и Карлейля»⁹². Говорит, что очень мило с моей стороны навестить бедную старушку и что, надо же, как много молодежи инстинктивно находит к ней дорогу. Наверное, потому, что, несмотря на седые волосы да морщины, она осталась молода *душой*, хе-хе-хе, а всё благодаря привычке во всем видеть Положительные Стороны. Окольными путями подбираюсь к теме Барбары. Миссис Б. сразу же заявляет, что молодые упрямы и эгоистичны и, наверное, это естественно, но не может не огорчать. Нет-нет, она не о себе пе-

⁹¹ «Каменные кексы» – произвольно сформованное печенье с сухофруктами.

⁹² «Фруд и Карлейль: История скандала» (1930) – книга Уолдо Хилари Данна, посвященная полемике вокруг биографии писателя, историка и философа шотландского происхождения Томаса Карлейля (1795–1881), выпущенной в 1882 г. английским историком, романистом и биографом Джеймсом Энтони Фрудом (1818–1894), также написавшим неоднократно упомянутую здесь биографию Бенджамина Дизраэли «Лорд Биконсфилд» (1890).

чалится, просто ей невыносимо представлять, как Барбара будет страдать от угрызений совести, когда станет Слишком Поздно.

Очень хочется спросить, а как же, мол, привычка во всем видеть Положительные Стороны, но воздерживаюсь. Далее миссис Бленкинсоп произносит длинный монолог. Суть его в том, что (а) миссис Б. осталось пробыть не так много лет среди нас; (б) всю свою жизнь она посвятила другим, но не ждет за это награды, такой уж она человек; (в) она лишь хочет видеть Барбару счастливой, а то, что сама останется одинокой и немощной в свои преклонные годы, не имеет совершенно никакого значения и никого это не волнует. Она ведь никогда не думала о себе и своих чувствах. Ей часто говорили, что для нее будто не существует собственного «я», вот просто совсем.

Возникает пауза, которую я не пытаюсь заполнить.

Возвращаемся к Барбаре, и миссис Б. говорит, мол, это совершенно естественно, что все мысли молодой девушки занимают ее собственные заботы. Я чувствую, что так мы никуда не продвинемся, и решительно называю имя Кросби Карразерса. На миссис Б. это действует самым радикальным образом. Она хватается за сердце, откидывается в кресле и начинает задыхаться и синеть. Тяжело дыша, извиняется, что ведет себя столь глупо, просто, мол, она уже много ночей не спит, вот, наверное, напряжение и сказывается. Я должна ее простить. Спешно прощаю и ухожу.

Крайне неудачный разговор.

По пути домой узнаю от миссис С. из гостиницы «Небесные ключи», что у них остановился джентльмен, который, по слухам, обручен с мисс Бленкинсоп, но старушка не хочет и слышать о нем, а ведь он с виду джентльмен приятный, пусть уже не юный, как некоторые, и ничего, если их будущий ребенок родится в Гималаях? Какое-то время обмениваемся различными соображениями с миссис С., потом вспоминаю, что все это не подлежит огласке, да и вообще, сплетничать нежелательно.

Дома Мадемуазель встречает меня глубокомысленным вопросом относительно перспектив скорейшего брака мисс Бленкинсоп и отношения к этому старой миссис Б. и сентиментально произносит: «Le coeur d'une mère»⁹³. Даже малышка Вики неожиданно интересуется, правда ли, что тот джентльмен в «Небесных ключах» – возлюбленный мисс Бленкинсоп? Мадемуазель вскрикивает: «Ah, mon Dieu, ces enfants anglais!»⁹⁴ – и очень огорчается из-за неуместного вопроса Вики.

Даже Роберт спрашивает, Что Там Такое с Барбарой Бленкинсоп. Поясняю, и он предельно кратко замечает, что старую Бленкинсоп надо Расстрелять. Дальше мы в обсуждении не продвигаемся, но я и так полностью с ним согласна.

⁹³ «Материнское сердце» (фр.).

⁹⁴ «Боже мой, эти английские дети!» (фр.)

10 апреля. Весь приход гудит о *скандале* у Бленкинсопов. Старая миссис Б. заболевает и укладывается в постель. Барбара лихорадочно курсирует на велосипеде между матерью и садом «Небесных ключей», где К. К. читает газету «Таймс оф Индия» и курит тонкие сигары. Ситуация заходит в тупик, и тут К. К. объявляет, что его вызывают в Лондон и ему нужен ответ, Тот или Иной, Немедленно.

Старая миссис Б., которой уже было полегчало, сразу становится хуже, и она заявляет, что недолго будет стоять на пути дорогой Барбары к счастью.

Все в ужасном напряжении. Барбара и К. К. прощаются в гостиной «Небесных ключей». Барбара в слезах говорит, что они расстались Навсегда, Жизнь Окончена, и не проведу ли я Собрание Девочек-Скаутов за нее сегодня вечером? Соглашаюсь.

12 апреля. Возвращение Робина домой на каникулы. У него простуда и, как обычно, нет носовых платков. Пишу Классной Даме, совершенно не надеясь получить платки или рациональное объяснение их исчезновения. Робин говорит, что пригласил «одного мальчика» к нам на неделю. Спрашиваю, мол, наверное, потому, что он хороший и твой близкий друг? Робин говорит: «Нет, его в школе никто не любит». И многозначительно добавляет: «*ПОЭТОМУ*». Тронута, так как это свидетельствует о душевной щедрости, но в то же время испытываю определенные опасения относительно

личных качеств будущего гостя. Сообщаю эту новость Мадемуазель, но та говорит то же, что и всегда, когда я хвалю Робина: «Madame, notre petite Vicky n'a pas de défauts»⁹⁵, что неправда и даже не относится к теме.

Получаю письмо от Мэри К. с постскриптумом: «Правда, что Барбара Бленкинсон помолвлена и скоро выйдет замуж?» Тот же самый вопрос мне задает и леди Б., которая заглядывает к нам по пути на какой-то прием у герцога на другом конце графства. Не успеваю насладиться ролью главного глашатая, поскольку леди Б. тут же добавляет, что всегда советует девушкам выходить замуж, так как любой муж лучше, чем никакого, тем более что кандидатов вокруг совершенно не хватает.

Сразу заговариваю о выдающихся Феминистках, приятельницах Роуз, давая понять, что хорошо знаю их лично и неоднократно обсуждала с ними вопрос замужества. Леди Б. машет рукой в элегантной перчатке из белой лайки (новехонькой, еще не побывавшей в прачечной) и заявляет, что все это очень хорошо, но они Феминистки, потому что у них *мужей* нет. Возражаю, что у них были мужья, у некоторых даже два или три. Может, это и неправда, просто мне редко когда так сильно хочется кого-то убить. Последней соломинкой становится добродушная реплика леди Б. о том, что уж *мне-то* жаловаться не на что, поскольку *любая* женщина скажет, что Роберт – надежный и респектабельный муж.

⁹⁵ «Мадам, наша малышка Вики лишена недостатков» (*фр.*).

Коротко намекаю, что Роберт в реальности – сочетание Дон Жуана, маркиза де Сада и доктора Криппена⁹⁶, но мы же не хотим, чтобы об этом сплетничали в округе. Непонятно, впечатлилась леди Б. или нет. Она заявляет, что ей нужно идти, потому что прием «не начнут без нее». В голову не приходит ничего другого, как ответить, что слово «герцогиня» (на самом деле я не знаю ни одной) всегда напоминает мне про «Алису в Стране чудес», а белые лайковые перчатки – Кролика оттуда же. Леди Б. отвечает, что я всегда такая начитанная, автомобиль отъезжает, и последнее слово, как всегда, остается за ней.

Тещу себя занимательной фантазией, что в наши края с визитом прибывают члены королевской семьи и оказывают Роберту и мне честь, согласившись у нас отобедать. (Говард Фицс. не сочетается с этой фантазией, так что факт его присутствия я игнорирую.) В моих мыслях Роберту уже дают титул пэра, а я, грациозно кивнув, занимаю место рангом выше леди Б. на грандиозном званом ужине, но тут входит Вики и говорит, что пришел Точильщик Ножей, а если нам нечего точить, он с радостью починит часы или склеит разбитую посуду.

Прихожу в замешательство, видя, что на заднем дворе расположился цыган особо неприглядной наружности

⁹⁶ *Хоули Харви Криппен* (1862–1910) – проживавший в Лондоне врач-гомеопат и дантист американского происхождения, в ночь на 1 февраля 1910 г. убивший свою жену.

со всякой домашней утварью и точильной машинкой. Еще большее замешательство вызывает появление Мадемуазель, охваченной приступом безудержного и неприличного французского веселья с крайне неуместным образчиком ночной посуды в каждой руке. Вики с Точильщиком поддерживают шутку, и я радуюсь, что хотя бы леди Б. давно уехала и не может неожиданно нагряться и увидеть эту сцену. Серьезно задумываюсь над тем, что Вики будет считать эталоном юмора, когда подрастет.

Иду искать Робина и в конце концов нахожу его в абсолютно невентилируемом шкафу, где они с кошкой поедают кусок сыра, который, по утверждению Робина, валялся на черной лестнице.

(Есть определенная ирония в том, что недавно меня назначили в новый Попечительский Совет и я должна посещать Работные Дома и так далее, обращая особое внимание на условия жизни детей, и выдвигать ценные предложения по вопросам гигиены и общего благосостояния жильцов. Остается надеяться, что остальным членам комитета никогда не придет в голову подвергнуть подобной инспекции мой домашний уклад.)

Пишу письма. Очень мешают Хелен Уиллс, которая хочет, чтобы ее выпустили, котенок, который хочет, чтобы его выпустили, и дорогой Робин, который лазит по мебели, очевидно не отдавая себе отчета в том, что делает, и громко пересказывает мне все содержание «Швейцарской семьи Робин-

14 апреля. Кухарка повергает меня в волнение вопросом, слышала ли я, что помолвка мисс Бленкинсоп снова в силе, вся деревня только об этом и толкует. Джентльмен приехал вчера вечером в восемь сорок пять и остановился в «Небесных ключах». Сообщается мне это в девять пятнадцать утра, так что я переспрашиваю кухарку, откуда ей это известно. Кухарка просто повторяет, что Вся Деревня Знает, мисс Барбара, возможно, выйдет замуж по брачной лицензии, а старой миссис Б. стало так худо, как еще не было. После почти сорока минут подобной болтовни в смятении спохватываюсь, что, вообще-то, сплетничать недостойно и нежелательно.

Стоит мне надеть шляпку, чтобы пойти к Бленкинсопам, как прибегает Жена Нашего Викария и говорит, что все даже еще хуже. Кросби Карразерс в полном отчаянии угрожал покончить с собой и написал ужасное прощальное письмо Барбаре. Та, по странному выражению Жены Нашего Викария, вся *изошла* слезами и уговорила его Немедленно Приехать. Бленкинсопы созвали Семейный Совет, у старой миссис были Приступы (неизвестно чего), но в конце концов ее уговорили обсудить эту ситуацию. Вызвали Нашего Викария, что-

⁹⁷ *Der Schweizerische Robinson* (1812) – детский приключенческий роман швейцарского пастора и писателя Йоханна Давида Висса (1743–1818) о семье, попавшей на необитаемый остров после кораблекрушения.

бы он дал беспристрастный совет и примирил все стороны. Он сейчас там. Я спрашиваю, мол, конечно же, он использует все свое влияние, чтобы помочь К. К. и Барбаре? Жена Нашего Викария с волнением отвечает, да-да, конечно, он полностью за то, чтобы молодые жили своей жизнью. С другой стороны, долг перед матерью священен. Да, он понимает, что самопожертвование прекрасно, но никто не знает лучше, чем он, что не стоит походя отвергать сердечную привязанность Добропорядочного Мужчины.

Думаю, что, если подобные рассуждения будут единственным вкладом Нашего Викария в решение проблемы, он мог бы с тем же успехом остаться дома, но, естественно, не делось этим соображением с его женой. Мы решаем прогуляться до деревни. Во дворе меня останавливает садовник и говорит, мол, я, наверное, захочу узнать, что джентльмен мисс Барбары снова объявился и хочет жениться на ней до своего отплытия в следующем месяце, а старая миссис Бленкинсон так тяжело это приняла, что, кажется, у нее будет удар.

Подобные сведения сообщаются нам в шести разных местах деревни. У коттеджа миссис Бленкинсон видны не менее трех автомобилей и двух велосипедов, но из дома никто не выходит, и я вынуждена предложить Жене Нашего Викария пойти ко мне на ланч. После многочисленных возражений она соглашается угоститься пастушьим пирогом (слишком много лука) и рисовым пудингом с тушеным черносли-

вом. Знала бы, послала бы на ферму за сливками.

15 апреля. Сообщается, что старая миссис Бленкинсоп Сменила Гнев на Милость. Неожиданно объявилась пожилая незамужняя родственница Бленкинсопов, кузина Мод, и предложила с ней жить. Наш Викарий горячо поддержал этот план, а Кросби Карразерс подарил Барбаре помолвочное кольцо с тремя драгоценными камнями (по слухам – индийскими топазами) и отбыл в город, чтобы Все Организовать. Объявление о помолвке будет немедленно опубликовано в «Морнинг пост».

18 апреля. Приходит Барбара и упрашивает меня сопровождать ее в Лондон, где в тот же день состоится скромная свадьба. Вынуждена отказаться из-за сильной простуды Робина и Вики, общей нестабильности хозяйства и традиционно неудовлетворительной финансовой ситуации. Поехать в Лондон предлагается Жене Нашего Викария, и та сразу дает согласие. Я же обязуюсь по просьбе Барбары как можно чаще навещать матушку и постараться убедить ее, что она не теряет Дочь, а приобретает Сына, что два года пролетят незаметно и скоро дорогой Кросби вернется с Барбарой в Англию. Я безрассудно соглашаюсь на все и отправляю в магазин заказ на корзинку для пикника в подарок Барбаре. Девочки-Скауты дарят ей сахарницу и корзину для бумаг, украшенную цветами из рафии. Леди Б. присылает жаровню

с карточкой, на которой трудноразборчивым почерком написана неправдоподобная шутка про индийское карри. Мы все сходимся на том, что это нисколько не смешно. По настоянию Мадемуазель Вики дарит Барбаре салфетку, на которой крестиком вышиты два сердца.

19 апреля. У обоих детей одновременно проявляется чрезвычайно неблагородное заболевание, известное как «розовый глаз»⁹⁸, и все дружно мне рассказывают, что оно типично для наиболее безнадзорной и голодающей части малолетнего населения лондонского Ист-Энда.

У Вики сильный жар, и ее укладывают в постель, Робину же просто не разрешается выходить на улицу, пока не утихнет холодный ветер. Оставляю Вики с Мадемуазель и «Les Mémoires d'un Ane»⁹⁹ в детской, а сама развлекаю Робина внизу. Он заявляет, что у него есть Отличная Идея, которая состоит в том, что я должна играть на пианино, а он одновременно заведет граммофон, музыкальную шкатулку и часы с боем.

Возражаю.

Робин очень просит и говорит, что получится Оркестр.

⁹⁸ То есть конъюнктивит.

⁹⁹ «Записки осла» (*фр.*) – написанная в 1860 г. повесть французской писательницы русского происхождения Софьи Федоровны Ростопчиной (в браке – графиня де Сегюр, 1799–1874).

(В духе Этель Смит¹⁰⁰, чьи воспоминания я как раз читаю!) Безвольно соглашаюсь и начинаю *con spirito*¹⁰¹ тему из «Бродвейской мелодии»¹⁰² в до мажоре. Робин с восторгом ставит «День-деньской в саду с киркой»¹⁰³ на граммофоне, заводит часы и музыкальную шкатулку, которая тренькает вальс из «Флородоры»¹⁰⁴ в неопределенной тональности. Робин прыгает и кричит от радости. Сочувственно за ним наблюдаю и, по его просьбе, нажимаю педаль громкости.

Говард Фицс. распахивает дверь, и в комнату входит леди Б. в зеленом кашемировом пальто с беличьим воротником, шляпке в тон и в сопровождении приятеля, судя по виду – военного.

В последующие несколько неопишуемых минут пытаюсь любезно приветствовать леди Б. с приятелем-военным, просто, но с достоинством объяснить уникальную сцену, свидетелями которой они стали, и незаметно показать Робину, чтобы он выключил музыкальную шкатулку, граммофон и

¹⁰⁰ *Этель Смит* (1858–1944) – композитор, участница суфражистского движения.

¹⁰¹ Воодушевленно (*um.*).

¹⁰² *The Broadway Melody* (1929) – американский музыкальный фильм Гарри Бомонта, номинированный на три «Оскара» и получивший один; это была первая звуковая картина-лауреат «Оскара».

¹⁰³ «Mucking About the Garden» – шуточная песня британского певца, актера и композитора Лесли Сарони, впервые записанная в 1929 г.

¹⁰⁴ *Florodora* – популярная музыкальная комедия Лесли Стюарта и Пола Рубенса на либретто Оуэна Холла, впервые поставленная в Лондоне в 1899 г. и на Бродвее годом позже.

скрылся наверху вместе с «розовым глазом». Часы милости-во замолкают, Робин отважно справляется с музыкальной шкатулкой, но «День-деньской в саду с киркой» продолжает беспардонно звучать еще, такое ощущение, часа полтора... (И ничего бы, если б это была классическая музыка, пластинки с которой у меня тоже есть, или даже дуэт Лейтона и Джонстона¹⁰⁵.)

Робин уходит наверх, но леди Б. уже успела его рассмотреть и заявляет, что это похоже на Корь. Приятель-военный тактично делает вид, что поглощен разглядыванием книжного шкафа, а когда мы остаемся втроем, произносит что-то малоосмысленное насчет Бульдога Драммонда¹⁰⁶.

Леди Б. тут же сообщает ему, что *мне* говорить такое не следует, поскольку я очень Сведуца в Литературе. Больше военный приятель заговорить со мной не пытается, только поглядывает на меня с неприкрытым ужасом.

После ухода гостей испытываю огромное облегчение.

Иду наверх, вижу, что Вики стало хуже, и звоню доктору. Мадемуазель принимается рассказывать мрачную историю с трагическим, как я подозреваю, финалом, в которой семейство из родного города Мадемуазель загадочным образом

¹⁰⁵ Тернер Лейтон (1894–1978) и Кларенс Джонстон (1885–1953) составляли американский вокально-фортепианный дуэт, чрезвычайно популярный в Англии в 1920–1930-е гг.

¹⁰⁶ Полицейский Хью Драммонд (экс-капитан британской армии) по прозвищу Бульдог – герой десяти романов Германа Сирила Макнейла (1888–1937), опубликованных в 1920–1937 гг.

поразила Оспа (первые симптомы были такие же), а все началось с того, что отец семейства необдуманно купил несколько восточных ковров у странствующего торговца на набережной Марселя. Прерываю ее после смерти шестимесячного младенца, поскольку предчувствую, что остальные пятеро отпрысков вскоре последуют за ним, причем как можно медленнее и мучительнее.

20 апреля. В том, что у Вики корь, не приходится сомневаться, и доктор говорит, что Робин может заболеть в любой день. Инфекция, должно быть, подхвачена в гостях у тетушки Гертруды, и я должна буду написать ей об этом.

В доме наблюдается чрезвычайное и кошмарное состояние дел, которые заключаются в том, чтобы попеременно готовить лимонад для Вики и рассказывать ей историю про Фредерика и пикник наверху и промывать Робину глаз раствором буры и читать ему «Коралловый остров»¹⁰⁷ внизу.

Мадемуазель ведет себя крайне *dévouée*¹⁰⁸ и категорически не разрешает больше никому ночевать в комнате Вики, но не совсем понятно, каким правилом она руководствуется, не вылезая из *peignoir*¹⁰⁹ и *pantoufles*¹¹⁰ и днем. Еще она

¹⁰⁷ *The Coral Island: A Tale of the Pacific Ocean* (1857) – детский роман-робинзонада шотландского писателя Роберта М. Баллантайна (1825–1894).

¹⁰⁸ Самоотверженно (*фр.*).

¹⁰⁹ Пеньюара (*фр.*).

¹¹⁰ Домашних туфель, тапочек (*фр.*).

настойчиво рекомендует очень странные *tisanes*¹¹¹ и говорит, что приготовит их сама из трав (которых, по счастью, нет в саду).

Роберт в этой кризисной ситуации помогает меньше, чем хотелось бы, проявляет типично мужское отношение «Вы Все Суетитесь из-за Ерунды» и ведет себя так, будто все это затеяно единственно ради того, чтобы причинить ему неудобство (что, однако, не соответствует действительности, поскольку он проводит день вне дома, а вечером настаивает, чтобы ужин подавали в обычное время).

Вики ведет себя невероятно, настораживающе хорошо. Робин – тоже (временами), но иногда впадает в немилость у Фицс. из-за того, что оставляет на мебели куски пластилина, цветные лужицы из-под краски и даже кляксы. Очень сложно сочетать ежедневное пристальное наблюдение за ним, в том числе и с целью не пропустить начало кори, с внешним оптимизмом, который кажется сейчас уместным и правильным.

Погода очень холодная и дождливая, ни один камин не получается разжечь. Почему-то это значительно способствует унынию и усталости, которые накапливаются с каждым часом.

25 апреля. Вики потихоньку выздоравливает, у Робина никаких симптомов кори. Меня же одолевает странный и

¹¹¹ Отвары (фр.).

неприятный озноб, без сомнения вызванный переутомлением.

Ко всеобщему облегчению, Говард Фицсиммонс просит расчет, и на смену ему приходит превосходная временная горничная, чьи услуги за неделю выливаются в огромную сумму.

27 апреля. Стойкий озноб укладывает меня в постель на полдня, и Роберт мрачно предполагает, что я подхватила корь. Я доказываю, что это невозможно, тем, что после обеда встаю и играю в крикет с Робинем на лужайке. После чая составляю компанию Вики. Она требует поиграть с ней в двенадцать подвигов Геракла, и мы бурно изображаем сцену убийства Лернейской гидры, чистку авгиевых конюшен и так далее. Испытываю одновременно радость, оттого что Вики интересуется Античностью, и сильное нежелание энергично шевелиться.

7 мая. Возобновляю ведение Дневника после длительного перерыва, вызванного изматывающей болезнью. Подавленный озноб неожиданно возвратился с небывалой силой и обернулся корью. В тот же день Робин начинает кашлять, и у нас дома появляется дорогостоящая больничная сиделка, которая берет ситуацию в свои руки. Добрая и расторопная, она передает мне сообщения от детей и приносит реалистичный рисунок Робина, озаглавленный: «Бактерии по-

жирают больного». (*Вопрос*: Возможно, дорогой Робин – будущий Хит Робинсон¹¹² или Артур Уоттс?)

Все дальнейшее превращается в серию несвязных и сумбурных воспоминаний, главное из которых – услышанные в беспамятстве слова доктора о том, что Возраст играет против меня. Уязвлена и чувствую себя старой миссис Бленкинсоп. Однако спустя несколько дней беру верх над своим возрастом, и мне дают шампанское, виноград и «мясной экстракт Валентайна»¹¹³.

Хочется спросить, в какую сумму все это обойдется, но давя в себе такое проявление неблагодарности.

Дети, к моему удивлению, опять совершенно здоровы, и им позволено меня навестить. Они играют в пантер на кровати, пока их не сгоняет оттуда Сиделка. Робин читает мне вслух статью про лорда Честерфилда¹¹⁴ из «ВНЖ». Статья его поразила, потому что он, как и знаменитый автор, с трудом принимает комплименты и спрашивает *меня*, что я делаю, когда комплиментов столько, что меня переполняют чувства. Вынуждена признать, что еще не попадала в столь затруднительную ситуацию. Видно, что Робин удивлен и слегка разочарован.

¹¹² *Хит Робинсон* (1872–1944) – английский карикатурист, иллюстратор и художник.

¹¹³ «Чудо-напиток», изобретенный американцем Манном Валентайном в XIX в. на основе мясного бульона.

¹¹⁴ *Филип Дормер Стенхоуп Честерфилд* (1694–1773) – британский государственный деятель, дипломат, писатель, автор «Писем к сыну».

Роберт, Сиделка и я сообща решаем отправить детей в Бьюд¹¹⁵ и дать Мадемуазель отпуск, чтобы она отдохнула от своих трудов. Я же присоединюсь к компании в Бьюде, когда разрешит врач.

Роберт идет в детскую объявить о решении и возвращается с сокрушительной новостью: Мадемуазель *blessée*, и чем дольше он просит ее объяснить, в чем дело, тем более односложно она отвечает. Мне тоже не позволено ни увидеться с ней, ни написать объяснительную и утешительную записку, а слова Вики о том, что Мадемуазель плакала, когда ее купала, и говорила, что у англичан каменные сердца, отнюдь не обнадеживают.

12 мая. Снова перерыв, на сей раз вызванный осложнением на глаза. (Без сомнения, еще одно последствие моего Возраста.) Дети с сиделкой уезжают 9-го, и у меня начинается мрачный период полного бездействия и отсутствия занятий. Спустя какое-то время встаю с постели и брожу по дому в полумраке, какой обычно царит в церквях. Это впечатление усиливают очки с огромными затемненными стеклами. Единственное преимущество ситуации состоит в том, что я не вижу себя в зеркала. Два дня назад сделала над собой огромное усилие и спустилась к чаю, но, увидев прямо на столике в прихожей громадную кучу Налоговых Квитанций, даже не прикрытых конвертом, чуть не упала в обморок

¹¹⁵ *Бьюд* – приморский город на северо-востоке Корнуолла.

и сразу же вернулась в постель.

(NB. Все это совершенно не похоже на красочные описания процесса выздоровления героини в каком-нибудь романе, где она радуется весенним цветочкам, солнышку и всякому такому... И не видит ничего похожего на Квитанции.)

Очень скучаю по детям. Мой главный компаньон – кухонный кот, побитое жизнью существо, которое ковыляет на трех с половиной лапах и, по слухам, отлавливает и съедает в среднем трех кроликов за ночь. Наша дружба заканчивается, когда я сажусь к пианино. Кот начинает орать и проситься на улицу. Вынуждена признать, что в целом его реакция оправданна, поскольку я забыла все, что играла раньше, и могу только с трудом подбирать популярные песенки на слух.

Дорогая Барбара присылает мне сборник лимериков. Роберт ободряюще говорит, что я смогу их прочесть позже. Сомневаюсь, что переживу еще несколько подобных дней.

13 мая. Сквозь общий мрак пробивается яркий лучик веселья там, где смех неуместен. Роберт рассказывает, что у кузины Мод есть мини-автомобиль «остин»¹¹⁶ и что она разъезжает на нем по всей деревне, а рядом с ней восседает старая миссис Бленкинсоп, закутанная во все свои шали. (А ведь много лет назад миссис Б. довела до всеобщего сведения, что, сделав несколько шагов по комнате без посторонней помощи, непременно упадет замертво.)

¹¹⁶ *Austin Motors Company* – английская фирма по производству автомобилей, основанная Генри Остином в 1906 г.

Роберт глубокомысленно добавляет, что кухня Мод не подпадает под *его* определение хорошего водителя. Больше он ничего не говорит, но в голове сразу рисуется драматичная картина: старая миссис Б. перелетает через ближайшую изгородь, шали разлетаются во все стороны, а кухня Мод на своем мини-«остине» мчит по узкой улочке в лоб паровому катку. С сожалением констатирую, что эта фантазия вызывает у меня искренний смех, после чего я чувствую себя лучше, чем за все последние недели.

Меня осматривает врач и говорит, что ресницы, *скорее всего*, отрастут (предпочла бы более уверенную формулировку, но молчу, поскольку очень боюсь услышать снова про возраст), и разрешает мне присоединиться к детям на следующей неделе. Также он неохотно и несколько настороженно добавляет, что можно читать по часу в день, если глазам не больно.

15 мая. Прослышав о том, что карантин снят, Жена Нашего Викария приходит меня подбодрить. Приветствую ее с таким энтузиазмом, что она с непривычки пугается. В свое оправдание говорю (возможно, несколько нетактично), что так долго была одна... (Роберта весь день нет дома... дети в Бюде...) и заключаю монолог цитатой о том, что, не слыша речи человеческой, дрожу, услышав речь свою...¹¹⁷ По лицу

¹¹⁷ Стихотворение английского поэта Уильяма Каупера (1731–1800) об Александре Селькирке – шотландском моряке и бывшем пирате, который провел 4 го-

Жены Нашего Викария вижу, что цитату она не распознала и считает, что корь сказалась на моем рассудке. (*Вопрос*: Может, она права?) К нормальному общению нас возвращает просьба Жены Нашего Викария убрать из комнаты кухонного кота, мол, это очень глупо с ее стороны, но от кошек ей всегда делается дурно. У ее бабушки было точно так же. Даже если кошка незаметно сидела под диваном, бабуля сразу чувствовала ее присутствие и начинала недомогать. Мы сходимся на том, что наследственность – штука странная, и я поспешно выпроваживаю кота в окно.

Жена Нашего Викария переходит к вопросу о моем самочувствии и, не дожидаясь ответа, говорит, мол, она очень хорошо представляет, каково мне: страшная слабость, ноги ватные и совсем не держат, а голова как чугунный котел. Огорчена вердиктом и начинаю ощущать все эти симптомы. Однако Жена Нашего Викария добавляет, что все пройдет от первого же дуновения бриза в Бюде, а пока она расскажет мне все новости.

И рассказывает.

За последние четыре недели в приходе приключилось невероятное количество рождений, свадеб и смертей. Миссис У. уволила кухарку и не может найти новую, Наш Викарий написал в местную газету письмо о сточных канавах, и его напечатали, леди Б. видели в новом автомобиле, и инте-

да и 4 месяца на необитаемом острове в Тихом океане и послужил прототипом Робинзона Крузо, – цитируется в переводе Е. Фельдмана.

ресно, почему сразу не на аэроплане? (Действительно – почему?)

И наконец – состоялось Заседание Комитета (тут Жена Нашего Викария поспешно добавляет, что меня там очень не хватало) и постановило провести Садовую Ярмарку, чтобы собрать средства на Сельский Клуб. При этом она оптимистично добавляет, что было бы очень мило, если бы удалось провести Ярмарку здесь, у нас. Соглашаюсь, подавив опасение, что Роберт может этого не одобрить. В любом случае он знает, и я знаю, и Жена Нашего Викария знает, что Ярмарка состоится здесь, потому что больше нигде.

Вносят чай – у превосходной временной горничной выходной, и Кухарка, как обычно, подала свою любимую, простейшую в исполнении композицию: три бисквитных пирожных и булочка на одной тарелке. Мы с Женой Нашего Викария говорим о Барбаре и Кросби Карразерсах, пчеловодстве, современной молодежи и сложности выведения масляных пятен с ковров. Меня спрашивают, читала ли я «Бригадного генерала на нейтральной полосе»?¹¹⁸ Я не читала. Тогда мне советуют ни в коем случае *не читать*. В жизни и так *много* всего печального и ужасного, лучше писать о чем-нибудь ярком, веселом, красивом. Автор «Бригадного генерала» с этой задачей совсем не справился. Далее оказыва-

¹¹⁸ *A Brass Hat in No Man's Land* (1930) – мемуары Фрэнка Перси Крозье (1879–1937), бригадного генерала, командовавшего в Первую мировую войну ирландскими гвардейцами.

ется, что саму книгу Жена Нашего Викария не читала, это Наш Викарий мельком ее проглядел и резюмировал, что она слишком тяжелая и бесполезная. (NB. Рекомендовать «Бригадного генерала» Книжному Клубу «Таймс», если его в их списке еще нет.)

Жена Нашего Викария неожиданно обнаруживает, что уже шесть часов, громко ужасается и почти уходит, но тут же возвращается и настоятельно рекомендует принимать «мясной экстракт Валентайна», который Чудесным Образом спас жизнь дяди Нашего Викария. За этим следует история о болезни, выздоровлении и смерти дяди в возрасте восьмидесяти одного года. Не могу в ответ не рассказать о том, какой прекрасный эффект оказал «Бемакс»¹¹⁹ на здоровье младшего сына Мэри Кэллуэй, а это весьма загадочным образом приводит нас к романам Энтони Троллопа¹²⁰, смерти Джахан-бегум¹²¹ и пейзажам Озерного края.

Без двадцати семь Жена Нашего Викария снова ужасается и спешит к выходу. На пороге встречает Роберта и говорит ему, что я худая как спичка, цвет лица ужасный и что корь часто приводит к серьезным проблемам со зрением. Кажется, Роберт ничего не отвечает...

¹¹⁹ «Бемакс» – марка хлопьев из зародышей пшеницы, производившихся в Великобритании с 1929 г.; рекламировалась как пищевая добавка, богатая витаминами (особенно витамином В), минералами и протеином.

¹²⁰ Энтони Троллоп (1815–1882) – английский писатель викторианской эпохи.

¹²¹ Джахан-бегум (1861–1930) – последняя правительница индийского княжества Бхопал, входившего в состав Британской империи.

(Напрашивается вопрос: Не правда ли, молчание порой красноречивее всех слов? Ответ: Пожалуй, да. Надо почаще себе об этом напоми-нать.)

Со второй почтой приходит длинное письмо от Мадемуазель, которая восстанавливает силы у друзей в Клактон-он-Си¹²². Письмо написано как будто булавкой, фиолетовыми чернилами на тончайшей бумаге и с множеством исправлений. Еле-еле расшифровываю часть текста и с облегчением убеждаюсь, что я по-прежнему *Bien-chèr Madame*¹²³ и недавняя обида непонятно на что предана забвению.

(NB. Если Кухарка еще хотя бы раз пришлет желе в качестве диетического блюда, необходимого в период выздоровления, сразу же верну его на кухню.)

16 мая. Если бы не боязнь разочаровать детей, я, скорее всего, отказалась бы от идеи окончательно восстанавливать здоровье в Бюде. Стоит лютый холод, в теле слабость, изрядно познабливает, а вот и Мадемуазель, которая должна была поехать со мной и помогать присматривать за детьми, теперь пишет, что она *désolée*¹²⁴, но у нее *une angine*¹²⁵. Тревожусь, что это может быть *Angina Pectoris*¹²⁶, но французский

¹²² Клактон-он-Си – приморский курортный город в графстве Эссекс.

¹²³ Дражайшая мадам (фр.).

¹²⁴ Глубоко огорчена (фр.).

¹²⁵ Ангина (фр.).

¹²⁶ Стенокардия, грудная жаба (лат.).

словарь меня успокаивает. Спрашиваю Роберта, не считает ли он, что я прекрасно поправлюсь и дома за это же время. Он отвечает только: «Лучше поезжай», и я понимаю, что все уже решено за меня. Спустя минуту он без особой уверенности предлагает позвать с собой Жену Нашего Викария. Я выразительно смотрю на него, и предложение отпадает само собой.

Письмо от леди Б., в котором она пишет, что лишь сейчас узнала про болезнь (притом что для всего прихода это не новость уже несколько недель?) и очень мне сочувствует, ведь корь в моем возрасте – это не шутки (сговорились они, что ли, с доктором, который высказался в таком же неприятном ключе?). Лично навестить она меня не может, у нее все время гости: одни уезжают, другие приезжают, но, если мне что-нибудь нужно, достаточно только позвонить к ней домой. Она распорядилась, чтобы мне отправили все, что я ни попрошу. Очень хочется попросить фунт чая и жемчужное ожерелье (сослаться на опыт Клеопатры?¹²⁷) и посмотреть, что будет.

Приходят повторные Квитанции, а Кухарка опять присылает на обед желе. Предлагаю его Хелен Уиллс. Та делает рвотное движение и отворачивается. Это более чем оправдало бы отправку нетронутого блюда обратно на кухню, но тогда Кухарка непременно попросит расчет, а я так рисковать

¹²⁷ Царица Клеопатра считала жемчуг лучшим средством для сохранения красоты и молодости и ежедневно пила эликсир из жемчуга.

не могу. Любопытно, что, хотя *все* желе, приготовленные кухаркой, отбивают остатки аппетита, наибольшее отвращение вызывает изумрудно-зеленая разновидность, а не желтая или красная. Наверняка это как-то можно объяснить по Фрейду, но сосредоточенно думать не получается.

Сплю днем и набираюсь сил, чтобы сделать то, что давно собиралась, – Пересмотреть Гардероб. Результат столь удручающий, что лучше бы я этого не делала. Все велико и висит, как на пугале. Отправляю красный вязаный кардиган, два вечерних платья (сейчас такие короткие не носят), три старомодные шляпки и твидовую юбку, вытянутую на коленях, на Благотворительную Распродажу к Мэри Келлуэй, поскольку она утверждает, что туда сгодится *все*. С приятным волнением составляю список одежды, которую требуется купить, но снова вижу Квитанции и сжигаю список в камине.

17 мая. Роберт отвозит меня на станцию Норт-роуд. Температура воздуха снова понизилась. Уточняю у Роберта, не опустилась ли она ниже нуля. Он кратко и неубедительно отвечает, что днем потеплеет, а в Бьюде будет сиять солнце. Приезжаем на вокзал рано и сидим на скамейке рядом с молодой кашляющей женщиной. Только глянув на меня, она говорит: «Все ужасно, да?» Весьма точная характеристика ситуации в целом. Роберт выдает мне билет (он любезно предлагал ехать первым классом, но я отказалась) и как-то странно на меня смотрит. Наконец спрашивает: «Ты ведь не

считаешь, что едешь туда *умирать*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.